

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет
Выпускающая кафедра: современного русского языка и методики

Леверчан Яна Сергеевна
ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Тема: **Колоративная лексика в повестях В.Г. Распутина «Прощание с Матерой», «Дочь Ивана, мать Ивана»**

Направление подготовки: 44.03.01 педагогическое образование
Профиль: русский язык, степень бакалавра

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ
Зав. кафедрой современного русского
языка и методики, канд. филол. наук, доцент
Н.Н. Бебриш _____
12.05.2016
(дата, подпись)

Руководитель: кандидат филол. наук, доцент
Н.Н. Бебриш _____

Дата защиты 27.06.2016
Обучающийся: Леверчан Я.С.
16.06.2016 _____
(дата, подпись)

Оценка _____
(прописью)

Красноярск
2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ КОЛОРАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ	8
1.1. Из истории изучения колоративной лексики.....	8
1.2. Изучение колоративной лексики в психологии и социокультурном аспекте.....	12
1.3. Функции колоративов.....	18
ГЛАВА 2. КОЛОРАТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ПОВЕСТЯХ В.Г. РАСПУТИНА «ПРОЩАНИЕ С МАТЕРОЙ», «ДОЧЬ ИВАНА, МАТЬ ИВАНА»	25
2.1. В.Г. Распутин и его творчество.....	25
2.2. Колоративы в повести В.Г. Распутина «Прощание с Матерой».....	28
2.3. Колоративы в повести В.Г. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана».....	35
ГЛАВА 3. ИЗУЧЕНИЕ КОЛОРАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ	42
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	49
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	53
ПРИЛОЖЕНИЯ	57

Приложение А. Словник цветообозначений в повести В.Г. Распутина «Прощание с Матерой».....	57
Приложение Б. Словник цветообозначений в повести В.Г. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана».....	76
Приложение В. Количественное соотношение колоративов и слов, обозначающих цвет по повести В.Г. Распутина «Прощание с Матерой»	98
Приложение Г. Количественное соотношение колоративов и слов, обозначающих цвет по повести В.Г. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана».....	101

Введение

В выпускной квалификационной работе рассматривается употребление колоративной лексики в повестях В.Г. Распутина «Прощание с Матерой», «Дочь Ивана, мать Ивана».

В последние десятилетия у лингвистов и литературоведов возник активный интерес к творческому аспекту употребления языка, основанный на традиции изучения языковых средств в художественной речи. Поэтому актуальность изучения колоративной лексики в художественном произведении является бесспорной.

И.Н.Яковлева пишет, что такое языковое явление, как колоративная лексика (колоративы - достаточно четко очерченная в языке группа прилагательных, обозначающих цвет) – одна из самых популярных лексических групп, в которую входят слова, соотносящиеся с цветовым спектром, используется в творчестве многих писателей [53; с.12].

Цвет есть важная грань человеческого восприятия мира. Поэтому уже с древних веков цвету придавалось особое значение. За долгую историю своего существования и развития человечество создало целую науку о цветовых номинациях, связав их с феноменами душевной и психической жизни, с феноменами той или иной культуры, с национальными приоритетами, с политическими ассоциациями и т. п. И во всех формах общественного сознания - в науке, в искусстве, в психологии - уделяется особое внимание цветовым номинациям. Поэтому художественная литература, обращенная к постижению явления человека и общества, также обратилась к изучению эстетики и поэтики цветовых ощущений в восприятии человека.

Цветопись в творчестве писателей является важным экспрессивным средством и несет большую идейно-художественную и эмоциональную нагрузку. Цветообозначающая лексика наряду с прочими языковыми средствами художественной речи отражает ценностные приоритеты и

культурные стереотипы общества данной эпохи, изменения этих стереотипов, трансформации некоторых значений цвета в созданной автором индивидуальной цветовой картине художественного образа [17; с.112]. Анализ научной литературы по теме исследования показал, что некоторые аспекты психологии и поэтики цветописинеоднократно становились предметом изучения соответствующих наук. Например, существуют исследования, посвященные соотношению зон физического цветового спектра, физиологических параметров и языковых категорий для различных языков; распространенности и различным структурным и семантическим типам цветоименований; истории цветовых названий и их историческому развитию.

В русской литературе имеется большое количество писателей, творчество которых с полным правом можно назвать «цветными». Это Константин Дмитриевич Бальмонт и Михаил Михайлович Пришвин, Сергей Александрович Есенин и Михаил Афанасьевич Булгаков, Гавриил Романович Державин, Владимир Владимирович Набоков и многие другие писатели и поэты.

Представляется, что к этой группе можно отнести и Валентина Григорьевича Распутина. Выбор в качестве материала для исследования творчества В.Г.Распутина связан, во-первых, с проблемами краеведения - необходимостью знать литературное творчество наших земляков, во-вторых, произведения писателя практически не изучены с позиции употребления колоративной лексики. Известно, что употребление / неупотребление колоративов в произведениях того или иного автора свидетельствует об одном из аспектов его идиостиля. Именно этим объясняется *актуальность* темы исследования.

Материалом для исследования послужили повести В.Г. Распутина «Прощание с Матерой», «Дочь Ивана, мать Ивана». Эти художественно-публицистические произведения в свое время являлись своеобразными «лакмусовыми показателями» морально-нравственного состояния общества.

Писатель здесь рассматривает не только проблемы экологии среды обитания, но и экологии души, культуры, образования, языка, ментальности. Это круг «больных» тем, поэтому В.Г. Распутин вновь и вновь возвращается к ним в своих произведениях. «Кажется, он написал все свои книги для того, чтобы мы взгляделись в то, что было. То, что называлось русским человеком», - сказал о творчестве Распутина литературный критик Валентин Курбатов.

Объект исследования - художественная речь В.Г. Распутина.

Предмет исследования – колоративная лексика в повестях В.Г. Распутина «Прощание с Матерой», «Дочь Ивана, мать Ивана».

Цель исследования – проанализировать употребление колоративной лексики в повестях В.Г. Распутина «Прощание с Матерой», «Дочь Ивана, мать Ивана».

В соответствии с темой, объектом, предметом и целью исследования были выдвинуты следующие **задачи**:

- 1) изучить теоретические вопросы, связанные с темой исследования;
- 2) с помощью приема сплошной выборки выделить колоративную лексику в повестях «Прощание с Матерой», «Дочь Ивана, мать Ивана»;
- 3) определить роль колоративной лексики в осуществлении замысла автора;
- 4) составить методическую разработку по теме исследования.

В работе использованы следующие **методы и приемы исследования**:

1. Прием сплошной выборки;
2. Прием анализа научной литературы;
3. Количественный подсчет (подсчет числа выявленных фактов употребления цветовой лексики);
4. Описательный и сопоставительный методы.

Методологической базой исследования явились работы Н.Б.Бахилиной, В.В.Драгунского, Р.М.Фрумкиной, В.Г. Кульпиной, Л.А. Качаевой, А.П. Василевича.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования материалов исследования в практике вузовского

преподавания, а также на элективных курсах русского языка и литературы в общеобразовательной школе и в классах с углубленным изучением гуманитарных дисциплин, при изучении творчества В. Г. Распутина.

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, содержит приложения.

ГЛАВА 1. ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ КОЛОРАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ

1.1. Из истории изучения колоративной лексики

С давних времен цвет был тесно связан со многими ремеслами. Безусловна связь цвета с живописью и с разными видами искусства вообще, в том числе и прикладного. Обширными были не только области применения цвета, но и научные его изыскания. Благодаря этому нам известно многое о цвете из физики и оптики, а также физиологии и теории восприятия.

Слова, называющие цвет, до сравнительно недавнего времени не привлекали особого внимания лингвистов. Но сейчас к лексике цветообозначений ученые проявляют явный интерес. Лексика цветообозначений стала предметом многих общих лингвистических работ, рассматривающих проблемы семасиологии, лексических систем, семантических полей и т. п.

В 50-60-е годы XX века в разных странах появляется ряд лингвистических работ, посвященных исследованию лексики цветообозначений в различных аспектах, на материале разных языков, в том числе и славянских. Среди этих исследований интересна работа Г. Герне, являющаяся попыткой изучения славянских цветообозначений в историко-этимологическом плане, с несомненно полезным справочным материалом по славянским языкам [44; с.45]. Также следует выделить работы других исследователей, изучающих семантическое поле цветообозначений, в которых в сопоставительном плане приводится материал русского языка. Это работы В.А. Московича, Н.Ф. Пелевиной [34, 37].

В настоящее время язык активно пополняется новыми словами, особенно колоративами, которые получают иное дополнительное значение или приобретают новое.

Представление о цвете как свойстве объектов окружающей

действительности формируется у человека на основе многолетнего личного зрительного опыта. Так, лексико-семантическая группа цветообозначений русского языка имеет свою историю развития.

Как отмечает Н.Б.Бахилина, в письменной речи колоративы встречаются уже в памятниках XI-XII вв. Но, учитывая специфику древнерусской литературы, возможность встретить слова цветообозначения в большом количестве невелика. Наше представление о цветовом видении, о «чувстве цвета» у восточных славян не может быть полной, так как для нас не дошли речевые контексты, где возможно предполагать употребление цветообозначений. Памятники XI-XII веков небогаты цветописью. Цветообозначения, как правило, встречаются редко, набор их ограничен, это в общем основные цвета: белый, черный, красный, реже – синий, желтый, зеленый. В большинстве оригинальных памятников употребляются только названия белого, черного, красного цвета. Вряд ли это стоит объяснять равнодушием русских к цвету, особенностью их зрения в древности, считает Н.Б.Бахилина, вернее полагать, что причина заключается в специфике жанров и своеобразии поэтики древнерусской литературы [3; с.96].

В истории мировой культуры выделяют несколько периодов, когда накопление цветонаименований в европейских языках происходило наиболее активно. Особое место занимает при этом период научно-технической революции и последующего развития промышленности, в частности ткацкой и красильной, когда создавались множество новых оттенков цвета неизвестных и невозможных до того момента, что, как результат, повлекло обогащение цветовой терминологии [4; с.127].

Начиная с шестнадцатого века, активным источником развития цветообозначений стала литература, особенно поэзия, где создание различных поэтических образов требовало все новых и новых наименований, в том числе и цветовых. М.А. Бородин и В.Г. Гак справедливо отмечают, что «расширение словаря цветообозначений было вызвано также эстетическими потребностями развивающейся литературы, в первую очередь поэзии,

создавались поэтические синонимы общеупотребительных цветковых терминов...» [5; с.151]. В ходе дальнейшего развития художественной речи постепенно увеличилось богатство цветковых выражений, обозначающих различные нюансы одного и того же цвета. «Если представить само развитие колоризма в литературе в виде графика, то кривая оказывается волнообразной, с большими падениями и подъемами, и все же неуклонно стремящейся вверх; причем высшими точками подъема этой кривой является эпоха романтизма и особенно конец XIX века и начало XX веков» [34; с.138]. Таким образом, достижения в разных областях деятельности человека в отмеченный период отразились в количественном и качественном составе лексики европейских языков.

Еще одним источником обогащения лексики цветообозначений явились литературные заимствования из некоторых языков: «...Известно, что французский язык XVII века «снабдил» многие европейские языки словами культурного слоя, включающими и термины цвета» [8; с.13]. Другая волна заимствований произошла в конце XIX века в связи с влиянием французской моды на Европу; оказала влияние на этот процесс и торговля с Востоком, в результате которой были заимствованы имена цвета, образованные от названий масти лошадей. Так, например, из тюркского языка в русский пришли такие цветообозначения, как чалый, чагравый, каурый, мухортый, из иранского - бурый, из монгольского - халтарый, халюный, халваный [20; с.15].

С проблемой изучения цветообозначений в лингвистике тесно связана гипотеза Сепира Уорфа, или гипотеза лингвистической относительности, которая возникла в лингвистике США под влиянием трудов Э. Сепира и Б. Уорфа. По их мнению, язык и образ мышления народа взаимосвязаны. Овладевая языком, его носитель усваивает определенное отношение к миру, отраженное в структурах родного языка. Поскольку языки по-разному классифицируют окружающую действительность, то и их носители различаются по способу отношения к ней. «Мы расчлняем природу в

направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы не потому, что они самоочевидны; напротив, мир предстает пред нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном - языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [46; с. 213].

Существуют различные точки зрения по вопросу, что лежит в основе цветообозначений. В опровержение гипотезы Сепира-Уорфа английские ученые Б. Берлин и П. Кей провели ряд исследований и пришли к выводу, что процесс возникновения и развития цветоименований в различных языках является своего рода языковой универсалией. Б. Берлин и П. Кей изучали этимологию цвета и описали свои исследования в книге «Основные цветовые термины» [6; с.5]. Они пришли к выводу, что 95% цветов происходят от названий предметов и лишь 5% слов не имеют четкой этимологии. В ходе исследования данными учеными также были открыты универсальные прототипы для определения одиннадцати основных цветообозначений, а также универсальная последовательность возникновения цветовых категорий в языках мира. Их исследование начинается с двух процедур применения правила ограничения рассматриваемых данных. Первое, «цветовая» классификация состоит у них в членении перцептивного пространства, заранее предопределенном понятиями тона, интенсивности и насыщенности (таким образом, сужается референциальный спектр понятия «цвета» как он понимается, по крайней мере, в некоторых культурах).

Языковеды, типологи, этимологи, лексикологи, семасиологи в ходе исследования десятков языков пришли к выводу, что в системе цветообозначения существует ряд универсальных черт. Кроме того, различные отношения к тому или иному оттенку отражаются в образных выражениях, идиомах и поговорках, существующих в языке. Ведь они аккумулируют социально-историческую, интеллектуальную, эмоциональную информацию конкретно национального характера.

1.2. Изучение колоративной лексики в психологическом и социокультурном аспектах

Известно, что в природе нет цвета как такового, а есть лишь цветовые волны. Световые волны определенной длины воздействуют на зрительные рецепторы человека, перерабатывают соответствующими механизмами мозга и вызывают ощущения, которые человек называет ощущениями цвета [48; с.112].

Цвет – явление загадочное. Человечество видит мир в цвете – так устроен его глаз, его зрительная цветовая память. Даже во сне и с закрытыми глазами мы не перестаем видеть цвета. Цвет – источник многих парадоксов мышления. С самых истоков культуры, своей сознательной жизни человек стремился осознать этот феномен, и уже в древности он связал его с особенностями своих душевных состояний – так возникла психоэмоциональная концепция цвета. Так, для древнего грека белое было связано с ощущением ясности, светлости, гладкости, а черное с ощущением неровности, шероховатости, корявости. И средневековье также подтвердило в своих теориях психоэмоциональное восприятие цвета [16; с.47].

Человеку чаще всего цвет рассказывает об окружающем мире, о предметах и явлениях. Он позволяет судить о том, созрела ли ягода, или она еще зеленая, здоров ли ребенок, если у него красное горло. То, что мы видим, слышим, помним, чувствуем, осязаем, - все это синтезирует единую и неразрывную картину мира.

Цвет является одной из констант или одним из принципов культуры, который может служить «своеобразной моделью развития, отображающей пути формирования, освоения, закрепления в культурной памяти не только общих, но и национально окрашенных культурно-значимых концептов» [20; с.109]. Многие явления культуры не могут быть поняты без учета значения

цвета.

Цвет выступает одной из основных категорий культуры, «фиксирующей уникальную информацию о колорите окружающей природы, своеобразии исторического пути народа, взаимодействии различных этнических традиций, особенностями художественного видения мира» [20; с.109]. Так как цвет является компонентом культуры, он окружен системой ассоциаций, смысловых значений, толкований, цвет становится воплощением разнообразных нравственно-эстетических ценностей.

Цвет играет важную роль в культуре. Цвет может быть представлен как эмоциональность, «обогащенная разнообразными ассоциациями, закрепленными в языковой и социокультурной практике» [20; с.110]. В цвете может выражаться отношение человека к явлениям окружающей природы. Цвет выступает в качестве содержательного элемента культуры, с помощью которого можно охарактеризовать, систематизировать предметы, социальные установки и нравственно-эстетические понятия.

Цвета, их сочетания воздействуют на чувства человека, способствуют формированию определённого настроения. Именно это нередко используется в художественной литературе. Человек воспринимает окружающий мир в цвете и в своем творчестве широко использует весь цветовой спектр, созданный природой, дополняя его другими красками. Многоцветье, яркость, например, чаще всего вызывает у читателя ощущение радости, праздничности.

Базой для создания теории цветописи как приема послужили наблюдения средневековых богословов, реальная практика живописцев, работы искусствоведов, психологов. В числе этих трудов работа немецкого поэта И.В.Гете «Учение о цвете». Иоганн Гёте отдал 20 лет упорного труда этому исследованию, в котором подтвердил мысль о том, что «определённые краски влияют на душу человека», т.е. подытожил данные психоэмоциональной теории цвета. «Опыт учит нас тому, что определённые цвета дают особое

расположение духа»; «Цвет – продукт света, вызывающий эмоции», – говорит Гете [13, с.307]. В «Учении о цвете» И.В. Гете говорил, что когда мы говорим: «почернел от горя»; «покраснел от гнева», «позеленел от злости», «посерел от страха», то не воспринимаем эти выражения буквально, а интуитивно связываем эмоциональные переживания человека со способностью выразить их цветом.

Отмечая действие цветов на настроение, Гете делил цвета на возбуждающие, оживляющие, бодрящие, теплые, положительные и порождающие печально-беспокойное настроение, холодные, отрицательные. К возбуждающим и оживляющим цветам он относил красный, фиолетовый, голубой и желтый – «веселые», «добрые». Синий, с точки зрения Гете, вносит беспокойство. Промежуточное место он отводил зеленому цвету, который способствует, по мнению Гете, состоянию спокойной умиротворенности. Известную роль в этом эмоциональном воздействии цветов играют, по видимому, и ассоциации: голубой цвет ассоциируется с цветом голубого неба, зеленый - с зеленью, голубо-зеленый - с водой, оранжевый - с пламенем и т.д.

Оценочное восприятие цвета психикой человека субъективно, поэтому в работах разных исследователей цветовые психологические ассоциации совершенно иные, отличные от ассоциаций Гете. Таким образом, возникают концептуально-художественные и индивидуально-авторские корреляции. Но в то же время прослеживается и некая общность в восприятии цвета. Так, черный цвет неизменно возбуждает негативные эмоции. Красный цвет во всех культурах считается цветом напряжения, возбуждения. В языках многих культур имеются сходные идиоматические выражения: «краснеть от стыда», «зеленеть от тоски», «чернеть от горя» Это дало основание утверждать, что есть некая логика и объективность в сцеплении эмоций и цвета, и она оказывается типичной, эквивалентной для многих народов, культур, эпох. Так возникло понятие архетипа цвета.

Приведем ряд классификаций психологических интерпретаций цвета.

Ученый Стефенеску-Гоанга делит цвета на две группы: первая из них (пурпурный, красный, оранжевый, желтый цвета) является возбуждающей, вторая – успокаивающей (зеленый, голубой, синий, фиолетовый цвета).

Пурпурный цвет - величественный, царственный; красный цвет – возбуждающий, оживляющий, согревающий, богат ассоциациями; оранжевый цвет – жизнерадостный, пламенный; желтый цвет - теплый, бодрящий, веселый, привлекательный; зеленый цвет - спокойный, создает приятное (мирное) настроение, богат ассоциациями; голубой цвет – спокойный, легкий, прохладный; синий цвет - спокойный, серьезный, нежный, печальный, тоскливый, сентиментальный; фиолетовый цвет соединяет эмоциональное воздействие красного и синего цветов – он является одновременно и притягивающим и отталкивающим, полным жизни и вместе с тем вызывающим тоску и грусть [47; с.16].

Одна из интересных классификация цветов по их психологическому воздействию на человека принадлежит М.Люшеру. Макс Люшер выделял:

1) стимулирующие (теплые) цвета, способствующие возбуждению и действующие как раздражители: красный: волевой, жизнеутверждающий, оранжевый: теплый, уютный, желтый: контактирующий, лучезарный;

2) дезинтегрирующие (холодные) цвета, приглушающие раздражение: фиолетовый: углубленный, тяжелый, синий: подчеркивает дистанцию, светло-синий: уводит в пространство, направляющий, сине-зеленый: подчеркивает движение, изменчивость;

3) пастельные цвета, приглушающие чистые цвета: розовый: нежный, производящий впечатление некоторой таинственности, лиловый: замкнутый, изолированный, пастельно-зеленый: ласковый, мягкий, серовато-голубой: сдержанный;

4) статичные цвета, способные уравновесить, успокоить, отвлечь от других возбуждающих цветов: чисто зеленый: требовательный, освежающий, оливковый: успокаивающий, смягчающий, желто-зеленый: обновляющий,

раскрепощающий, пурпурный: изысканный, претенциозный;

5) цвета глухих тонов, которые не вызывают раздражение: серые; гасит их белый; помогают сосредоточиться черный [28; с.264].

Классификация цветов, предложенная оптикой и экспериментальной психологией, выделяет две группы:

1) теплые, стимулирующие цвета, связанные с процессами ассимиляции, активности и напряжения (красный, оранжевый, желтый, белый). Эти цвета напоминают цвет огня, солнца, цвет раскаленных тел;

2) холодные, тормозящие цвета, относимые к процессам диссимиляции, пассивности, расслабления (синий, индиго (средний цвет между тёмно-синим и фиолетовым), фиолетовый, черный). Холодные цвета ассоциируются в представлении человека с чем-то холодным – льдом, лунным светом и т.п.

Промежуточный зеленый цвет относится к обеим группам [21; с.54].

Исследования, проведенные российскими психологами В.Ф. Петренко и В.В. Кучеренко, подтверждают имеющуюся взаимосвязь между эмоциональными состояниями человека и выбором им определенных цветов в качестве предпочитаемых. В ходе психолингвистического анализа исследователи пришли к выводу, что все цвета по их свойствам и по их воздействию на читателя делятся на две группы.

К первой группе относятся цвета инверсируемые, отличающиеся двойственным характером воздействия: красный, синий, желтый и зеленый. Инверсируемые цвета - те, которые могут выполнять либо мажорную, жизнеутверждающую, либо минорную, жизнеразрушающую функции в зависимости от словесного окружения цвета (например, красный может быть и цветом здоровья, молодости, веселья, и цветом крови, страдания, губельного огня).

Вторую группу образуют неинверсируемые цвета. Это голубой и розовый, которые указывают на явления только положительной красоты. Однако при употреблении этих цветов автор для достижения самого

разнообразного психологического воздействия на читателя изменяет условия использования одного и того же цвета, превращая неинверсируемые цвета в инверсируемые [39; с.70].

Еще одна искусствоведческая классификация предлагает деление цветов на ахроматические и хроматические. В первую группу входят цвета черный, белый и все серые – от самого темного до самого светлого. Ко второй группе относятся ощущения хроматических цветов. Хроматические цвета составляют все цвета, кроме черного, белого и серых, то есть красный, оранжевый, синий, голубой, зеленый, желтый и т.п. Причем к ахроматическим цветам относятся чисто белые, чисто серые и чисто черные цвета. А цвет, имеющий самый незначительный, с трудом улавливаемый красноватый, синеватый или какой-либо другой оттенок, уже будет являться хроматическим цветом [2; с.65].

Как считает швейцарский психолог Макс Люшер, «выбор среди определенных хроматических цветов отражает эффективное отношение к определенным эмоциональным сферам. Выбор среди ахроматических цветов показывает эффективное и психомоторное исходное положение, вегетативный тонус и психоэнергетический уровень субъекта. Белый цвет характеризуется завершенностью как конечный пункт яркости, а черный – как конечный путь темноты». Причем черный, как концентрическое сгущение, отражает агрессивное упорство; белый, как эксцентрическое растворение – бегство. Белый – это граница начала и согласия; черный – это отрицательная граница, за которой прекращается «цветовая» жизнь. Поэтому черный цвет выражает идею «ничто»; ничто, как абсолютный отказ, как смерть или как «нет» в боевом протесте. Черный цвет выражает застой, защиту и вытеснение возбуждающих влияний. Кто ставит черный цвет на первое место, тот из упрямства протеста восстает против своей судьбы. Кто воспринимает черный цвет как несимпатичный, что по статистическим данным происходит чаще всего, тот не хочет от многого отказываться. Отказ

для него означает лишения и пугающие нехватки. Так как он едва ли способен терпеть лишения, то он рискует выдвигать авторитарные сверхмерные требования [28; с.376].

Существует множество аспектов в восприятии и изучении цвета как феномена, как приема. Все эти теории в известной мере условны. Мы можем – лишь в пределах определенной эпохи, нации, культурной традиции – говорить о некоторой определенности и устойчивости цветовых ассоциаций. Поэтому нельзя «отрывать» цвет от содержания, от конкретных фактов и явлений.

1.3.Функции колоративов

Для лингвистов цвет в тексте имеет особый, исключительный интерес, так как автор, как и любой человек, использует его интуитивно, подсознательно, что свидетельствует об индивидуальном мирозерцании, неординарном взгляде на окружающий мир. Хотя употребление того или иного цвета может быть объяснено религиозными убеждениями, образованием, воспитанием, субъективными вкусами, модой и пр., именно в этом и есть принципиальное различие цвета в литературе от цвета, например, в живописи, где использование цвета часто, но не всегда, подчинено традициям, в которой колорит входит в систему изучения живописи непосредственно.

Типичные функции цветообозначений выделены С.И.Меньчевой [32; с. 117]:

1. Предметно-изобразительная функция.

Цветообозначения реализуют предметно-изобразительное значение, выступая при изображении предмета, природы, и создания портретной характеристики персонажа. В этой функции цвет передает наглядно-чувственный характер вещи, явления, человека. Как свойство тела вызывать

определенные зрительные ощущения, цвет оказывается неотделимым от предмета, эта нераздельность восходит к тому периоду, когда признак и предмет составляли одно целое (предмет → цвет). Не случайно семантизация цвета имеет предметную отнесенность (белый - цвет снега; зеленый - цвет травы и т. п.).

Цвет в этой функции выступает в своем прямом словарном значении и дает возможность запечатлеть краски мира, многообразие цветовых оттенков. Вот некоторые примеры цветописи в данной функции: «С алым соком ягоды на коже нежная красивая была» (С.А. Есенин «Не бродить, не мять в кустах багряных...»), «Глаза, как небо, голубые; улыбка, локоны льняные, движенья, голос, легкий стан, всё в Ольге» (А.С. Пушкин «Евгений Онегин»). «Его кожа, чёрная от природы, побледнела и пожелтела; раздутое лицо натянуло её до того, что она лопнула за ухом» (В.М. Гаршин «Четыре дня»), «И вели голубому туману надо мною читать псалмы» (А.А. Ахматова «Хорони, хорони меня, ветер!..»), «...тот самый белобрысый и рыженькая, которые минут десять назад резвились над пальмами (В.Алексеев), «Это был румяный, с черными, без век, яркими глазами, круглолицый человек...» (Л.Н. Толстой), «От медленных лобзаний влаги Нежнее грубый свод гробниц, Где зеленеют саркофаги Святых монахов и цариц (А.А. Блок).

В.Г.Кульпина предлагает следующую классификацию колоронимов, относящихся к антропоморфной группе: 1) внешность человека: одежда, лицо, волосы, глаза, руки, кожа; 2) быт; 3) строения; 4) продукты питания [25; с.28].

Колоронимы в этой функции - наиболее часто встречаемая функциональная группа.

2. Эстетизация предметов и явлений и создание определенного эмоционального настроения (эмоционально-экспрессивная функция).

Колоронимы в эмоционально-экспрессивной функции весьма часто встречаются при описании природы, с их помощью создается определенная

эмоция, как позитивная, так и негативная. «Тихими *золотеющими* пятнами светились среди темной, еще ночной листвы ветки ив...» (К.Г. Паустовский), «*Чернели* женщины от горя, как плодородные поля...» (В.С. Высоцкий), «*О красном* вечере задумалась дорога» (С.А. Есенин), «Я покинул родимый дом, *голубую* оставил Русь» (С.А. Есенин), «Вечер *черные* брови насопил» (С.А. Есенин).

3. Морально-оценочная функция цвета.

Цвет является средством оценки. Оценке может поддаваться человек (как положительной, так и отрицательной), предмет, природа: «Оглянитесь вокруг: это все та же *серенькая* публика - чиновники, офицеры, врачи, студенты, барышни» (А.П. Чехов), «Меж черных сучьев *синеет* небо, Так *странно нежно синеет* небо, Так странно нежно прозрачна даль. Меж голых сучьев прозрачно небо, Над черным прахом *синеет* небо, Как будто небу земли не жаль (В.Я. Брюсов). «Она несла в руках отвратительные, тревожные *желтые цветы*» (М.А. Булгаков «*Мастер и Маргарита*»).

Оценочность цвета постигается через контекст предложения. При этом часто используются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, оценочные прилагательные, слова с внутренней формой, стилистически окрашенная лексика. «Так *странно нежно синеет* небо» (В.Я. Брюсов), «*Золотые* листья опадали в синие и сонные пруды» (Н.С. Гумилев). Прилагательное *синеет* благодаря соседству с прилагательным «сонный» получает оценочность. Колоритим «*золотой*» изначально оценочен, всегда вызывает положительную эмоцию и оценку. Еще пример: «Май жестокий с *белыми* ночами! Громкий стук в ворота: выходи! Голубая дымка за плечами, неизвестность, гибель впереди!» (А.А. Блок) – оценку цветового явления – белых ночей формирует оценочное прилагательное «жестокий».

4. Психологическая функцию цветообозначений реализуется через цветовые ассоциации психофизического свойства. Общеизвестно, что цвет выражает язык определенных душевных эмоций, физических состояний и

ощущений, являясь неким психологическим феноменом. Так герою «Слова о полку Игореве снится пророческий, печальный сон о пленении братьев, оттого и пелена в повести – черная, вино - синее, горькое:

...Молвил князь, поникнув головою, -

На кровати тисовой меня

Покрывали *черной* пеленою,

Черпали мне *синее* вино,

Горькое отравленное зелье,

Сыпали жемчуг на полотно

Из колчанов вражьего изделия...

(Н.Заболоцкий «Слово о полку Игореве»)

Горький образ разлуки предстает в одноименном стихотворении М.И. Цветаевой также черным.

Я вижу тебя *черноокой*, - разлука!

Высокой, - разлука! – Одинокой, - разлука!

С улыбкой, сверкнувшей, как ножик, - разлука!

Совсем на меня не похожей, – разлука!

Вот еще некоторые примеры колоронимов, употребленных в данной функции: «Секретарь смертельно *побледнел* и уронил свиток на пол» (М.А. Булгаков), «Она еще больше *запламенела*. «То, - говорит, - грех мой такой был, увлечение...»...» (Н.С. Лесков), «Тут что-то сделалось с Лукой. Вскочил, *побагровел*. Глаза горят, как свечи» (Д.Бедный), «На западе небо каждую секунду стискивалось *бледно-синей* судорогой» (Е.И. Замятин), «Несказанное, *синее*, нежное...Тих мой край после бурь, после гроз» (С.А. Есенин). В романе Л.Н.Толстого есть примечательный эпизод, в котором рассказывается, как Наташа Ростова признавалась матери, что каждый человек вызывает у нее определенные цветовые ассоциации. Узкий, *серый*, *светлый* – это Борис Друбецкой, а любимый герой Толстого Пьер – тот *синий*, *темно-синий с красным*. Цветовые определения человека тоже из области психофизики. Ученые- психиатры и физиологи исследуют цветовое поле

человека как важный показатель его здоровья, психического состояния, ауры.

5. Функция указания на пространственно-временные характеристики предмета. Пространственно-временные характеристики определяют, как изменяется предмет во времени и в пространстве. «Отговорила роща золотая» (С.А. Есенин), «Увядаю золотом охваченный я не буду больше молодым» (С.А. Есенин), «Вдали бледной полоской виднелись поля» (И.С. Тургенев).

6. Символическая функция

Цвет как средство символики - одно из интересных и примечательных средств языковой и смысловой выразительности произведения. Поэтому в этой функции цвет встречается очень часто. Каждый отрезок цветового спектра характеризуется определенным эмоциональным тоном, который является информацией, образующей смысл цвета, его символику и многозначность: *белый* - цвет невинности и смерти; *красный* - цвет любви и ненависти и т. п. В этой функции цвет зачастую коррелирует с психофизической функцией и вызывает эмоциональную реакцию или выражает душевное состояние: так, по мере приближения к белому *красный* как «активность», «страстность» переходит в *розовый* как «нежность», «единение с миром»; перемещаясь к *черному*, *красный* приобретает «отрицательные» оттенки, *багровый* цвет проявляет такие свойства, как «повеление» и «подавление».

Примеры: белый цвет как символ чистоты, божественности в поэме А.А. Блока «Двенадцать»: «В белом венчике из роз впереди Иисус Христос»; красный как символ революции в стихотворении С.А. Есенина «Красный конь»: «Сойди, явьсь нам, *красный* конь!»; «*Красный* цвет зовет на бой, жаждет вновь завязки. Ум ласкает голубой, правдой детской ласки» (К.Д. Бальмонт).

В революционной символике вместе с красным тесно соседствует и *черный*. Черный - цвет знамени анархистов, кожаных курток комиссаров и сотрудников чрезвычайной комиссии.

Синий цвет воспринимался романтиками как символом гармонии, счастья, совершенства, которые только и есть в иных мирах: «Вечером *синим*, вечером лунным Был я когда-то красивым и юным» (С.А.Есенин); «Цвет *небесный, синий*цвет Полюбил я с малых лет. В детстве он мне означал Синеву иных начал» (Н.М. Бараташвили); «Переход тонов и линий, может быть, не час, а миг, *синий-синий-синий-синий*... Счастлив, кто его постиг!» (М.И. Алигер). Синий цвет – эмблема воздушности, легкости, парения, беззаботности, бестелесности, тишины, покоя. В этом значении синий цвет выступает в следующих строчках-стихах: «В небесах торжественно и чудно! Спит земля в сиянье *голубом*» (М.Ю. Лермонтов); «Звездное небо бесстрастное. Мир *в голубой* тишине» (В.Я. Брюсов). С другой стороны – как цвет ухода из жизни, разлуки, смерти, забвения, утраты: «Ты *в синий* плащ печально завернулась, В сырую ночь ты из дому ушла» (А.А. Блок).

Цвет как выразительный прием символики, емкий способ выражения содержания использовался в заголовках произведений: «Голубой цветок» Г.Новалиса, «Голубая весна» М.М. Пришвина, «Красное и черное» Ф.Стендаля, «Синяя птица» М.Метерлинка, «Белые одежды» В.Д. Дудинцева, «Белая гвардия» М.Булгакова, «Красное колесо» А.И. Солженицына, «Красный смех» Л.Н. Андреева, «Белая стая» А.А. Ахматовой.

Следует сказать, что весьма часто происходит совмещение функций цветописи. Так в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» «Она несла в руках отвратительные, тревожные *желтые цветы*» колоратив «*желтый*» выступает одновременно и в своей психофизической, и в морально-оценочной и в символической функциях.

В примере «*О красном* вечере задумалась дорога» (С.А. Есенин) колоратив употреблен и в предметно-изобразительной, и в экспрессивно-эмоциональной функциях, а в контексте стихотворения реализуется еще и психофизическая функция – в этом «цветном» (12 колоративов на 20 стихов) стихотворении звучит тема одиночества, жажда встречи, единения и любви.

В роли колоративов выступают не только прямо названные цветковые

номинации предметов и явлений, но и опосредованные цветоименования, вызывающие определенные цветовые ассоциации. Так, «незабудка» вызывает в сознании определенную картину по ассоциациям, огонь всегда ярко-желтый, и так у прилагательного «огненный» возникло соответствующее ассоциациям значение. Цвет как бы опредмечивается, он тесно срастается с предметом, и на этом основании возникают цветовые картины вьюги, снега, пламени, бледности, тумана. Цветовые коннотации приобретают такие слова, как «светлый», «темный», «галочий», «хмарь», «солнце», «блеск», «сумерки» и т.д. За счет этих опосредованных цветообозначений количество колоронимов в языках значительно возрастает, а произведения получают цветность.

ГЛАВА 2. КОЛОРАТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ПОВЕСТЯХ В.Г. РАСПУТИНА «ПРОЩАНИЕ С МАТЕРЬЮ», «ДОЧЬ ИВАНА, МАТЬ ИВАНА»

2.1. В.Г. Распутин и его творчество

В.Г. Распутин – одна из выдающихся, значимых фигур в литературном процессе второй половины XX века. Проблемы, которые поднимал писатель в своем творчестве, всегда были актуальными, злободневными, социально востребованными. В 1960-е годы творчество В.Г. Распутина получило большой резонанс. Его произведения были переведены на множество языков, исследованы не только отечественными филологами, но и зарубежными. Творчество В.Г. Распутина широко изучено в критике и литературоведении (В.Я. Курбатов, Н.Горреславская, Н.Чернов, И.Л. Бражников, А.А. Газизова и др.).

Литературное имя В.Г. Распутин приобрел как писатель-«деревенщик». В его творчестве соединились классические литературные традиции и современность, этот необыкновенный синтез вывел «деревенскую» литературу на качественно новый этап развития, обогатив литературный процесс в целом. В.Г. Распутин, раскрывая корневые основы жизни народа, самую суть народного существования, предельно усилил нравственно-философское звучание прозы о деревне, создал модель единого мира и человеческого бытия [24; с.96].

Одним из примеров деревенской прозы В.Г. Распутина является его повесть «Прощание с Матёрой». В основе сюжета этого произведения лежит реальная история. Эта повесть является своеобразной драмой народной жизни. В своем небольшом по объему произведении В.Г. Распутину удалось раскрыть вечные глобальные проблемы: отношений поколений, памяти, совести, поиска смысла человеческого существования, жизни и смерти. В

повести экологическая проблема сплетается со многими другими. Все жители Матёры чем-то похожи друг на друга. У большинства из них нет беззаботного счастья, главным признаком их жизни, по их же мнению, считается тяжелый труд да редкие обыденные радости. Исчезновение Матёры равносильно концу света. Но все это является очевидным лишь для старушек, старика Богодула и самого автора. В повести двадцать две главы, в которых показан быт жителей Матеры в последние три месяца их пребывания на острове. Сюжет развивается неторопливо, позволяя взглянуть в каждую деталь навсегда уходящей жизни, в подробности привычного пейзажа, ставшего особенно дорогим накануне гибели. Трагическая развязка повести проявляет авторскую позицию. Но разрешение конфликта неоднозначно. Конфликт повести имеет социально-исторический смысл. Столкновение старого и нового предстает как попытка «пополам преломить» вековые устои жизни. Повесть В.Г.Распутина – это предостережение нынешним и будущим поколениям. Нельзя построить ничего прочного, долговечного, разрушив все до основания. Это дело простое, труднее восстанавливать и возрождать. Такие «герои» как Андрей, созидаящие, разрушая, однажды проснувшись, поймут, что надломленное сердце болеть не перестанет.

Журналистская деятельность В.Г. Распутина началась в 60-е годы XX века, до 80-х годов писатель много внимания в своей публицистике уделял экологическим темам. Конец 80-х годов – это время обращения В.Г. Распутина к политическим и экономическим темам. Конец 80-х - начало 90-х годов XX в. стали переломным временем для России. Это время перехода от тоталитарного общества к демократическим свободам, гласности, к началу капиталистического предпринимательства, частной инициативе. Это время начала распада государства, буквально распада СССР, распада государственной машины. Происходит разрушение культуры, нравственности, в обществе распространяется нигилизм, утрачивается чувство гордости и ответственности за свое отечество. Поэтому в 90-е годы 20-го столетия так остро разворачиваются дискуссии вокруг русской идеи,

ставящие вопросы бытия нации, ее духа и судьбы [7; с.67].

Глубоко философская повесть В.Г. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» иллюстрирует социально экономические, духовно нравственные и правовые проблемы, связанные с «коренным реформированием» жизни страны во времена безумных экспериментов над Россией, называемых «перестройкой».

Вместе с главной героиней писатель переживает ощущение надвигающейся беды, глубоко проникаясь чувством сострадания к человеческому горю. Рисуя портрет Тамары Ивановны, В.Г. Распутин обращается к детству героини, из которого становится понятно, что душа ее полна романтических мечтаний, она тянется к нравственно высокому, недосегаемому. Но помимо нравственных истоков, из которых формировалась душа, немаловажную роль в ее судьбе сыграл и житейский опыт. Характер у Тамары Ивановны материнский, но в основе его находится стальной стержень. Дети героини были выращены в работающей семье, в окружении заботы и любви. Воспитание основывалось на исконных православных традициях с крепкими нравственными устоями, включающими в себя основополагающие, жизненно важные, принципы уважения и почитания родителей, чей жизненный опыт связан со многими эпохальными потрясениями. Что же касается образования, то о нем В.Г. Распутин говорит в своей повести с иронией и сарказмом, наглядно показывая плоды «новых» веяний. Он видит всю фальшивость знаний, обретаемых в школе отличниками методом изнурительного заучивания, а не постижения самой сущности предметов.

Другая, не менее актуальная проблема, поднятая Валентином Григорьевичем Распутиным в повести «Дочь Ивана, мать Ивана», – это колонизация России выходцами из Кавказа и государств азиатского континента, которые не только подчинили себе на рынках торговлю, но и осели хозяевами на нашей отеческой земле. Немало страниц отведено писателем проблемам бесправного, нищенского существования стариков и

детей при действующей в то время власти. Отчужденными от народа изображает Распутин в произведении и органы правосудия. Неслучайно сатирической дается характеристика автором и самого здания прокуратуры, внутри которого, якобы, вершится правосудие. Как уже отмечалось, в повести В.Г. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» затронуты очень многие, требующие незамедлительного решения проблемы, свалившиеся на граждан нашей страны в тяжелейшие годы «перестройки». Многие люди, не имеющие в душе православной крепости духа, сломались под натиском хлынувшей «новой», насквозь пронизанной барышничеством и вседозволенностью жизни, навязанной границей [13; с.104].

2.2. Колоративы в повести В.Г. Распутина «Прощание с Матерой»

Повесть «Прощание с Матерой» В.Г. Распутина – образец того, как новые веяния идут вразрез с нравственными устоями, как прогресс в буквальном смысле «поглощает» человеческие души. Произведение, появившееся в середине 70-х годов прошлого века, затрагивает множество важных проблем, не потерявших актуальности и сегодня.

Особое место в повести занимает колоративная лексика, которая помогает глубже прояснить творческую концепцию писателя, осознать его самобытную философию, понять замысел и идею произведения, а также оценить неповторимость стиля. Уловить смысл цветообраза – значит проникнуть в глубины подсознания писателя, понять своеобразие его творческой лаборатории, особенности его личности. Цветопись несет глубокую эмоциональную и идейно-художественную нагрузку, участвует в становлении системы ценностей произведения [29; с.84].

Употребление цветовой лексики в повести В.Г. Распутина довольно частотно: на 188 страниц текста приходится 132 колоратива (см. таблицу 1). Повесть также насыщена словами, обозначающими цвет (122 слова) (см. приложение В). Активное использование колоративов в повести

позволяет утверждать, что в системе идейно-художественных средств В.Г.Распутина цвет занимает определенное место. Мы придерживаемся мнения С.М.Соловьева, который различает два типа художников слова: 1) колористов, для которых «цвет был могучим орудием стиля» и которые «весьма щедро использовали цвет»; 2) «художники и писатели, крайне сдержанно использующие цвет» [47; с.94].

Таблица № 1. **Количественное соотношение колоративов в повести В.Г. Распутина «Прощание с Матёрой»**

№ п/п	Наименование цвета (оттенки цвета)	Количество
1	Группа зеленого цвета: зелень, зеленой, зелень, зеленой, зеленеющие, зелени, зеленью, зелень, зелененькую, зелень, зеленела, зеленой, зеленую, зеленеющая, зеленели, зеленью, зеленая	17
2	Группа белого цвета: белому, белено, подбелил, белым, белом, белый, выбеленных, белесое, белый, белизны, белые, белеют, белом, белых, белого, белый, бела, белый, белого, белый, белые, белые, бела, белеть, белом, белый, белым, белый, белый, белыми, белеющая, выбелился, белое, белый, белой, белить, белили, подбеленной, выбелит, белить, набелилась, белится, белиться, белит, выбелила, не белены, беленкой, добеливала, белый, белого, белого	51
3	Группа черного цвета: почернели, черное, черные как смоль, черные, черного, почернел, почерневшая, чернела, почернеть, черная, черных, черная, почернел, почернела, черная, черный, черная, чернела, черный, чернели, черная	21
4	Группа красного цвета: красным, красно, красными, красным, красные, красного, красная, красную, красной, красная, красное, краснело, красноглазый, красные, красноватое, красноватом, красненького, красная, красненького, красный, красная, красными	22
5	Группа желтого цвета: желтела, желтизны, желтых, желтогрудую, ржавыми, заржавевшую, рыжая, рыжей	8

6	Группа серого цвета: посерело, серо, серых, серо, серые, серо, серебрилась	7
7	Группа синего цвета: синевой, синел, синевой	3
8	Группа коричневого цвета: бурым, коричневыми	2

Анализируя повесть «Прощание с Матером», В.Г. Распутина следует отнести к первому типу художников. В своем восприятии мира писатель довольно часто обращает внимание на цвет, работает с ним, преобразовывая цветообозначения в необычные выразительные средства языка: *«Он полоснул большими **ржавыми** глазами по старухам. – Вы откуда здесь взялись?»*; *«Покойно, недвижно лежала Матёра: темнели леса, водянисто **серебрилась** по земле молодая трава, большими расплывчатыми пятнами **чернела** деревня, где ничто не стучало и не брнчало, но словно бы подготавливалось к стуку и бряку»*; *«Пышно, богато было на материнской земле – в лесах, полях, на берегах, буйной **зеленью** горел остров, полной статью катилась Ангара»* [41; с. 17].

В.Г. Распутин в своей повести обращает внимание на цвет окружающих мир предметов, на цветовые подробности в описании внешности человека: *«Не спрашивая у Настасьи, Дарья взяла ее стакан, плеснула в него из заварника и поставила под самовар – большой, купеческий, старой работы, **красно** отливающий чистой медью, с затейливым решетчатым низом, в котором **взблескивали** угли, на красиво изогнутых осадистых ножках. Угарно и сладко пахло от истлевающих в самоваре углей, косо и лениво висела над столом солнечная пыль, едва шевелящаяся, густая; хлопал крыльями и горланил в ограде петух, выходил под окно, важно ступая на крепких, как скрученных, ногах, и заглядывал в него нахальными **красными** глазами»* [41; с.25].

Также следует отметить употребление в повести колоративов, выполняющих символическую функцию. Так, колороним *зеленый* является символом всего острова, о котором Распутин говорит как о некоем живом

существо: *«Жары на острове, посреди воды, не бывает; по вечерам, когда затихал ветерок и от нагретой земли исходило теплое парение, такая наступала кругом благодать, такой покой и мир, так густо и свежо сияла перед глазами **зелень**, еще более приподнявшая, возвысившая над водой остров, с таким чистым, веселым перезвоном на камнях катилась Ангара и так все казалось прочным, вечным, что ни во что не верилось – ни в переезд, ни в затопление, ни в расставание»*; *«Пышно, богато было на материнской земле – в лесах, полях, на берегах, буйной **зеленью** горел остров, полной статью катилась Ангара»*.

В повести «Прощание с Матёрой» цветовой спектр не так широк, нежели в повести «Дочь Ивана, мать Ивана», но это не делает произведение менее красочным, унылым. В своем произведении В.Г. Распутин использовал 12 цветов и оттенков, среди которых наиболее частыми по употреблению оказались белый, черный, а также красный (см. приложение Д).

Черный цвет помогает писателю усилить чувство тоски от неминуемого разрушения острова: *«Дорога подворачивает к старому гумну, где в мякине, сквозь которую прорастает зерно, возятся воробьи, а **почерневшая солома** лежит назъменными пластами – сколько, в самом деле, кругом старого, отслужившего свой век и службу, остающегося без надобности, но догнивающего медленно и неохотно»*, *«Все на месте, да не все так: гуще и нахальней полезла крапива, мертво застыли окна в опустевших избах и растворились ворота во дворы – их для порядка закрывали, но какая-то нечистая сила снова и снова открывала, чтоб сильнее сквозило, скрипело да хлопало; покосились заборы и прясла, **почернели** и похилились стайки, амбары, навесы, без пользы валялись жерди и доски – поправляющая, подлаживающая для долгой службы хозяйская рука больше не прикасалась к ним»*.

Красный цвет привлекает к себе внимание читателей амбивалентностью. Автор использует красный цвет для изображения состояния персонажа, чаще всего отрицательного: *«Но верзила, помявшись,*

покосившись еще на Богодула, который подмигивал ему жутким, как горящим, красным глазом, побежал догонять своих», «Из дремучих зарослей на лице выглядывала лишь горбушка мясистого кочковатого носа да мерцали красные, налитые кровью глаза», и в тоже время при описании природы красный цвет выполняет предметно-изобразительную функцию: «И береза, виноватая только в том, что стояла она вблизи с могучим и норовистым, не поддавшимся людям «царским лиственцем», упала, ломая последние свои ветви и обнажив в местах среза и сломав уже и не белое, уже **красноватое старческое волокно**».

Белый цвет в повести «Прощание с Матерой» преимущественно описывает действия героев и природы: «...как вошла, ахнула, увидев сверкающую игрушку – электроплиту, цветочки-лепесточки на стенах, которые и **белить**, оказывается, не надо, шкафчики, вделанные внутрь, да еще ванную с кафелем...»; «Ствол **выбелился** и заостенел, его мощное разлапистое основание, показывающее бугры корней, вызванивало одну твердь, без всякого намека на трухлявость и пустоту»; «**Белить** избу всегда считалось напраздником; **белили** на году по два раза – после осенней приборки перед покровом и после зимней топки на Пасху»; «Под вечер разъяснило больше и шире, чем в прежние короткие обещания, небо поднялось, облака в нем висели горами и начинали с краев **белеть**».

Для того чтобы разнообразить картину, уточнить детали, В.Г. Распутин использует производные от цветовой лексики, в том числе и различные части речи: существительные («отливая от порошка мягкой **синевой**», «только-только выпустившим **зелень**», «выскоблив косарем до молочно-отстойной **желтизны** пол»), прилагательные («**черная** смородина», «в **белые** клочковатые мыри», «в кожаной кепке с **коричневыми** разводьями», «подбирал на полянах первую **красную** ягоду», «в **форменных темно-зеленых** куртках и штанах»), глаголы («**белить** избу всегда считалось напраздником», «**почернели** и похилились стайки», «небо быстро **белело**», «**чернела и краснела** смородина, **багровел** полосатый крыжовник»),

причастия («береза, все еще зеленеющая», «на выбеленных, с отсыхающей известью стенах», «вбежала Дуся, раскрасневшаяся, с короткой мальчишеской стрижкой»), наречия («и подставила под самовар – большой, купеческий, старой работы, **красно** отливающий чистой медью», «было **серо** и размыто, и так же серо и размыто было в небе») (см. таблицу 2).

Таблица № 2 .**Частеречное соотношение колоративов в повести В.Г. Распутина «Прощание с Матёрой»**

Часть речи	Примеры колоративов	Общее количество		
Существительное	Зелень, зелени, зелень, зеленью, зелень, зеленой, зелень	12		
	Белезны, белёнкой			
	Желтизны			
	Синевой			
Прилагательное	Белому, белым, белом, белый, белесое, белый, белые, белом, белых, белого, белый, бела, белый, белого, белый, белые, бела, белые, белом, белый, белым, белый, белыми, белый, белое, белый, белой, белого, белый, белого	71		
	Черное, черные, черная, черного, черные, черная, черных, черная, черный, черная, черный, черная			
	Красным, красными, красном, красные, красного, красная, красную, красной, красная, красное, красноглазый, красная, красные, красноватое, красноватом, красный, красная, красными, красненького			
	Ржавыми			
	Серых, серые			
	Рыжая, рыжей			
	Бурым			
	Коричневыми			
	Желтых, желтогрудую			
	Глагол		Зеленела, зеленели	28
			Подбелил, белеют, белеть, выбелился,	

	белить, белили, выбелить, белить, набелилась, белится, белиться, белит, выбелила, добеливала	
	Почернели, почернел, чернела, почернеть, почернел, почернела, чернели	
	Краснело	
	Посерело	
	Серебрилась	
	Желтела	
	Синел	
Причастие	Зеленеющие, зеленеющая Выбеленных, белеющая, подбеленной, не белены	8
	Почерневшая	
	Заржавевшую	
Наречие	Красно	4
	Серо	

Распутин прибегает к расширению семантики слова. Цветовую коннотацию у него приобретают такие лексемы, как *светлый, лучезарный, бледный, темнота, тьма, яркий, кровь, туман, озаряет*. Так создается поле психологического напряжения, цветность. Писатель, даже не употребляя колоративы, может нарисовать цветную картину при помощи опосредованных цветообозначений («*Ночь была теплая и тихая, и, наверно, в другом месте – темная, но здесь, под огромным надречным небом, проглядная и сквозная*»).

Колоративная лексика, сочетаясь с лексикой цвета, создает определенное настроение («*Петруха после двухнедельной отлучки воротился в Матёру развеселый, в новом, но уже изрядно помызганном светлом костюме с **красной** ниткой и в кожаной кепке с **коричневыми** разводьями, и в наряде этом еще больше стал смахивать на урку*»), рисует картину («*В другое окно виден был левый рукав Ангары, его искрящееся, жаркое на солнце течение и берег на той стороне, разубранный по луговине березой и черемухой, уже запылавшей от цвета*»; «*Покойно, недвижно лежала*

*Матёра: темнели леса, водянисто **серебрилась** по земле молодая трава, большими расплывчатыми пятнами **чернела** деревня, где ничто не стучало и не брэнчало, но словно бы подготавливалось к стуку и бряку»), показывает состояние героев («Из дремучих зарослей на лице выглядывала лишь горбушка мясистого кочковатого носа да мерцали **красные**, налитые **кровью** глаза»).*

Повесть В.Г. Распутина «Прощание с Матерой» несет глубокий философский смысл, для раскрытия которого писатель умело использует колоративную лексику. Слова-цветообозначения помогают автору не только описать предметы, людей, окружающую природу, но и внести в текст эмоциональность, добавить особую выразительность, подчеркнуть уникальность собственного стиля.

2.3. Колоративы в повести В.Г. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана»

В.Г. Распутин в своих произведениях писал о жизни, такой, какая она есть, без вымыслов и полетов фантазии, представляя всю правду действительности. Одним из ярких примеров таких произведений, отражающих нравственное состояние общества в сложный период развития страны, является повесть «Дочь Ивана, мать Ивана».

Несмотря на количественное преимущество цветообозначений (на 180 страницах колоративы встречаются 151 раз.), повесть выглядит блекло, мрачно. Употребление слов, обозначающих цвет (93 слова), также придает произведению настроение уныния, угнетенности, мрачности (см. приложение Г). В.Г. Распутин в повести «Дочь Ивана, мать Ивана» не пытается раскрасить описанное, добавить яркости и живости повествованию, его главная задача заключалась в демонстрации критически бедственного социального положения, сложившегося в стране. И даже широкий круг цветового спектра (в повести употреблено 29 цветов и оттенков) не делает эту

повесть цветной

Общая цветовая палитра Распутина такова: белый (34 колоронима), черный (22 колоронима), два основных цвета, наиболее часто употребляемые (см. таблицу 3).

Таблица № 3. Количественное соотношение цветов в повести
В.Г. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана»

№ п/п	Наименование цвета (оттенки цвета)	Количество
1	Группа черного цвета: черноволосая, черными, чернявый, черный, черненький, черным, черные, черная, черной, чернотой, черной, чернотой, черные, черной, черного, почерневшее, чернела, черная, черные, черной, чернотой, почернел, черной	22
2	Группа желтого цвета: желтуха, желто-мглистого, желтой, желтых, желтые, желтого, желтой, желтые, желтыми, ржавые, ржавыми, ржавый, рыжий, рыжик, русую, русыми, золотистому, золотисто-смирренного, золотистым, пшеничными	20
3	Группа зеленого цвета: зелененькие, зелень, зеленой, зелеными, темно-зеленых, зазеленевшей, зеленых, зелень, зелени, зеленеет, зеленый, зелень, зелеными, зелени	14
4	Группа коричневого цвета: Темно-коричневое, коричневую, карие	3
5	Группа серого цвета: серую, серые, серая, серого, серое, серой, серый, серую, серой, жемчужного, пепельная, седую, седыми, седые, пегие, пегой	16
6	Группа фиолетового цвета: фиолетовый, темно-фиолетовое, фиолетовым, матово-сиреневым	4
7	Группа белого цвета: белело, белых, белой, белизной, белое, бела, белыми, бело-дымчатое, бельмо, белизны, белое, белого, белой, белотелая, бела, белу, белый, беловатые, белой, белого, беленькой, белой, белизну, белое, белом, белобрысый, белотелая, белобрысый, белый, белесое, беленом, бела, белый, белых	34
8	Группа синего цвета:	15

	синей, посиневшее, синяк, посинело, синяка, синяки, синей, синей, посиневшая, синяком, синими, голубыми, голубой, голубыми, лазурным	
9	Группа красного цвета: красной, красна, красная, красна, красная, красная, покраснело, покраснело, красномордого, раскрасневшуюся, раскрасневшаяся, красные, краснела, багровым, бордовой, меднистых, прозрачно-розовыми, зарумянилась, румянцем, користо малиновым, телесный	21

Колоративы в повести выполняют преимущественно номинативную функцию.

Создавая портреты своих персонажей, автор прорисовывает некоторые детали внешности черным цветом: *«Высокая, **черноволосая**, сметливая, старшая рядом со Светкой и Люсей, она бывала у Воротниковых», «В кабинете на втором этаже, квадратном, с голыми стенами, за одним из трех маломерных, как в школе, столов, сидел в одиночестве, упираясь животом в столешницу, **чернявый** лейтенант и пил пиво», «Все они были с сумками, в которых что-то трепыхалось, в майках, с голыми, уже **черными** от загара ногами, почти все обуты в спортивные разбитые кроссовки — точно собрались в пионерский лагерь имени Дзержинского» [41; с.95].*

Черным цветом у Распутина окрашены страх, гнев, отчаяние, боль: *«Светка стояла по одну сторону стола, который занимал почти всю вытянутую от двери к окну комнату, оставив только проходы по бокам, — стояла в оцепенении, вздрагивая и отшатываясь от совсем уж диких криков, а по другую сторону, напротив нее через стол, извивался, визжал и кричал что-то неразборчивое кавказец в джинсовой куртке, **черный**, безростый, с бешеным лицом и кипящими большими глазами», «Это же не случайно, это же нашествие — все эти **черные, желтые, пегие...** они ведут себя как завоеватели, мы для них быдло», «Лицо **почерневшее** и **почужевшее**, глаза смотрят с силой».*

Белый цвет - символ чистоты, святости, невинности, в повести наиболее часто употреблен писателем при описании природы: *«Небо в дымчатом, тонкорунном покрове быстро белело и таяло, взблескивая голубыми провалами»*, *«И все чаще в поисках крепости, где можно было бы найти спасение, вспоминала Тамара Ивановна свою деревню на берегу Ангары, широкую луговину, заставленную березой и сосной, в белой кипени майскую черемуху по обочью, сладкий дух ее в деревне, черемуховые метели после цветения, покрывающие улицу белизной, высокое, вынашивающее землю под собой, небо, а под ним на закатной стороне разлив ангарской воды, тяжелый и покорный, с глухими и все-таки родными берегами»*, *«Иван лег в воду, положив голову на белый камень-валун, слушал в полудреме, не веря кукушке, но и подбадривая ее: давай-давай — пригодится»*, *«Накатывал лениво крутой вал, выбрасывал в последний момент, как жало, белый пенистый гребешок и с силой ударял в нос катера, подбрасывая его вверх, в воздух, и вдруг проваливался — задиралась корма, нос из пустоты гулко бухал в водную канаву и тут же снова стремительно взмывал вверх»*. Природа для писателя - последняя отдушина, когда в обществе рушатся устои, уничтожаются традиции, социумом управляет хаос, анархия, греховность.

Писатель разнообразит обозначения цвета, используя разные части речи: существительные («бельмо», «синяк», «зелень»), прилагательные («черный», «зеленый», «серую», «голубыми»), глаголы («чернел», «зеленело», «белеет»), причастие («почерневшее», «зазеленевшее», «посиневшая») (см. таблицу 4).

Таблица № 4. **Частеречное соотношение колоративов в повести В.Г. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана»**

Часть речи	Примеры колоративов	Общее количество
Существительное	Зелень, зелени, зелень, зелени, зелень	16

	Бельмо, белизны, белезну, белизной	
	Синяк, синяка, синяки, синяком	
	Желтуха	
	Румянцем	
	Рыжик	
Прилагательное	Черноволосая, черными, чернявый, черный, черным, черной, черные, черная, черной, черные, черной, черного, черной, черная, черной, черные, черной, черный, черной	115
	Ржавые, ржавыми, ржавый	
	Зеленькие, зеленой, темно-зеленых, зеленой, зеленых, зеленый, зелеными	
	Рыжий	
	Карие	
	Русую, русыми	
	Золотистому, золотисто-смиренного, золотистыми	
	Серую, серые, серая, серого, серое, серой, серый, серую, серой	
	Фиолетовый, темно-фиолетовое, фиолетовым	
	Белых, белое, бела, белыми, бело-дымчатое, белое, белого, белой, белотелая, бела, белу, белый, беловатые, белой, белого, белой, беленькой, белой, белое, белом, белобрысый, белотелая, белобрысый, белый, белесое, бела,	

	белый, белых	
	Голубыми, голубой, голубыми	
	Багровым	
	Синей, синими, синей, синей	
	Бордовый	
	Телесный	
	Жемчужного	
	Пшеничными	
	Красной, красна, красная, красна, красная, красномордого, красная, красные	
	Желто-мглистогожелтой, желтых, желтые, желтого, желтой, желтые, желтыми	
	Меднистые	
	Пепельная	
	Лазурным	
	Матово-сиреневым	
	Пегий, пегой	
	Темно-коричневое, коричневую	
	Седую, седыми, седые	
	Прозрачно-розовыми	
	Користо-малиновым	
Глагол	Чернела, почернел	8
	Зеленеет	
	Белело	
	Покраснело, краснела, покраснело	
	Зарумянились	
Причастие	Почерневшее	6
	Зазеленевшей	
	Посиневшее, посиневшая	
	Раскрасневшуюся, раскрасневшаяся	

Колоративная лексика в повести может входить в состав фразеологических оборотов и не обозначать цвет: *«Анатолий обрадовался и испугался: что это — приходит она в себя, приказав себе смириться со случившимся, или просто решила отделить жирной чертой последние **черные дни** от наступающих, ведущих неизвестно к какой, но развязке?»* - **черный день** - тяжелый день П. (иноск.) — **день** несчастный (беда, нужда); *«А ведь эта **черная немочь**, это бессилие подготавливались в нем давно».*

Чёрная немочь — старинное русское название эпилепсии.

Интересно, что в повести «Прощание с Матерой» чаще употребляется словосочетание белый свет: *«Хоть и бесполезный, зловредный человек, каких поискать по белому свету»*, а также народно-поэтические выражения: *«От колчаковцев остался в Матёре срубленный ими на верхнем краю у голомыски барак, в котором в последние годы по **красным летам**, когда тепло, жил, как таракан, Богодул»*, *«Будут всходить они, как всегда, и протягиваться над островом, но уже пустынным и прибранным, откуда не поднимутся в небо человечьи глаза: где там, рано или поздно, **красное солнышко**?»*.

Видение мира в цвете – одно из самых ярких визуальных ощущений, дарованных человеку. Пронизывая каждое мгновение бытия, оно настолько органично нашей природе, что зачастую мы просто не отдаем себе отчета, каким образом складываются наши цветовые пристрастия и антипатии – эмоциональный компонент в восприятии цвета диктуется на подсознательном уровне. Особенностью художественного мышления Распутина было умение найти нужные слова. Он относился к слову бережно, старался найти емкие слова, не быть многословным, но в то же время у писателя сложились особые отношения с цветом, при помощи которого он определял настроение всего произведения.

ГЛАВА 3. ИЗУЧЕНИЕ КОЛОРАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ШКОЛЕ

Представленная методическая разработка урока для 6 класса может быть реализована как составляющая факультативного курса по русскому языку. Также это занятие может быть использовано для проведения дополнительного урока по русскому языку в 6 классе при изучении раздела «Лексика. Культура речи» (УМК Т.А. Ладыженской, М.Т. Баранова, Л.А. Тростенцова и др.)

План-конспект урока на тему «Цветобозначающая лексика»

Предмет: русский язык

Класс: 6

Тема урока: Цветобозначающая лексика

Тип урока: урок «открытия» новых знаний

Деятельностная цель: определить основные признаки цветовой лексики, выделить цветобозначающую лексику в тексте, прокомментировать роль слов-цветобозначений в тексте.

Образовательная цель: расширить знания о разделе русского языка «Лексика», познакомить с цветобозначающей лексикой и ее особенностями.

Этап урока	Действия учителя	Действия учащихся	УУД
1. Орг.момент (1-2 мин)	Приветствие	Готовность к уроку	Регулятивн.
2. Актуал. знаний (5-6 мин)	-Что изучает раздел науки о языке «Лексика»? - Какие лексические единицы вам известны? - Какие диалектные слова использованы в тексте? С	Отвечают на вопросы, работают с текстом	Познават.

	<p>какой целью?</p> <p>- Встречаются ли в тексте слова, указывающие на цвет?</p> <p>- Какую роль в тексте играют слова-цветообозначения?</p> <p>(Текст А.Яшина «Пора и мне») [см.приложение]</p>		
<p>3. Постановка цели, мотивация (3-4 мин)</p>	<p>- Какие сложности у вас возникли?</p> <p>- Какова цель сегодняшнего занятия?</p> <p>- Где могут пригодиться эти знания?</p>	<p>Отвечают на вопросы формулируют цель (познакомиться со словами, обозначающими цвет, выяснить, какую роль эти слова играют в тексте)</p>	<p>Регулятив.</p>
<p>4. «Открытие нового знания» (7-8 мин)</p> <p>Первичное закрепление (4-5 мин)</p> <p>Самост-я работа с</p>	<p>- Язык обладает своей цветовой гаммой, отражающей определенные понятия, чувства, эмоции. Цветообозначающая лексика является неотъемлемой частью художественного текста и несет в себе огромную смысловую и функциональную нагрузку.</p> <p>- Как вы думаете, с какой целью автор употребляет в своем произведении цветообозначающие слова?</p> <p>Работа в парах:</p> <p>- Перед вами отрывки из произведения В.Г. Распутина «Уроки французского», с которым вам предстоит</p>	<p>Слушают рассказ учителя</p> <p>Выдвигают предположения о цели слов-цветообозначений</p> <p>Читают отрывки, определяют предметно-изобразительную</p>	<p>Регулят.</p> <p>Познав.</p> <p>Коммуник.</p> <p>Познават.</p>

<p>проверкой по эталону. Самоанализ и самоконтроль (4-5 мин)</p> <p>Включение нового знания в систему знаний и повторение (7-8 мин)</p>	<p>познакомиться на уроках литературы уже в этом учебном году. Прочитайте эти отрывки и найдите в них слова, указывающие на цвет. Попробуйте определить, какую функцию выполняют эти слова в тексте. [см.приложение] - Итак, мы пришли к выводу, что цветообозначающие слова в тексте могут выполнять не только предметно-изобразительную функцию, когда эти слова описывают предметы окружающей действительности, где цвет выступает в своем прямом словарном значении, предоставляя возможность запечатлеть краски мира, но и оценочную функцию, когда оценке может поддаваться предмет, природа, человек.</p>	<p>функцию</p>	<p>Познават. Коммуник.</p>
<p>Творческая работа (8-10 мин)</p>	<p>- Теперь попробуйте составить свой небольшой текст (5-7 предложений) на свободную тему, включая в него цветообозначающие слова, которые бы выполняли в тексте предметно-изобразительную и</p>	<p>Сочиняют текст на свободную тему</p>	<p>Познават.</p>

	оценочную функции.		
Рефлексия	- Итак, мы проделали с вами большую работу. Давайте составим кластер по сегодняшнему уроку.	Составляют кластер	Познават.
Итог урока (2-3 мин)	- Какие трудности у вас возникли при работе на уроке? - Интересна ли изученная на уроке тема? Чем? - Спасибо за работу.	Отвечают на вопрос, прощаются	Регул.

**Приложение 1 к уроку «Цветобозначающая лексика»
Пора и мне (Александр Яковлевич Яшин)**

Журавли улетают,
Пора и мне.
Осень листья сжигает
На желтом огне.

Ветер рвет их и мечет,
Расстилает холсты,
На кустах, будто свечи, —
Щеглы,
Клесты.

Лен темнеет на стлищах,
Собрать бы успеть!
Рыба омуты ищет,
Берлогу — медведь.

Даже мыши-полевки
Спешат,
Гнезда вьют.
Все боятся зимовки,
Всем дорог уют.

И друзья мои тянут
На юг, на юг,
Ближе к теплым лиманам —
От морозов и вьюг.

Что ж, у всех свое.
Вижу,
Пора и мне.
Только я хочу ближе
К Печоре,
К Двине,
К родной стороне.

Приложение 2 к уроку «Цветобозначающая лексика»

Отрывки из рассказа В.Г. Распутина «Уроки французского»

Осень стояла теплая и сухая. Еще и в октябре пригревало так, что можно было ходить в рубашке, дожди выпадали редко и казались случайными, ненароком занесенными откуда-то из непогоды слабым попутным ветерком. Небо **синело** совсем по-летнему, но стало словно бы уже, и солнце заходило рано. Над холмами в чистые часы курился воздух, разнося горьковатый, дурманящий запах сухой полыни, ясно звучали дальние голоса, кричали отлетающие птицы. Трава на нашей поляне, **пожелтевшая** и сморенная, все же осталась живой и мягкой, на ней возились свободные от игры, а лучше сказать, проигравшиеся ребята.

Я не ответил. Все во мне как-то затвердело и сомкнулось в обиде, у меня не было сил достать из себя слово. И, только поднявшись на гору, я не утерпел и, словно сдурев, закричал что было мочи — так что слышал,

наверное, весь поселок:

— Переверну-у-ул!

За мной кинулся было Птаха, но сразу вернулся — видно, Вадик рассудил, что с меня хватит, и остановил его. Минут пять я стоял и, всхлипывая, смотрел на полянку, где снова началась игра, затем спустился по другой стороне холма к ложбинке, затянутой вокруг **черной** крапивой, упал на жесткую сухую траву и, не сдерживаясь больше, горько, навзрыд заплакал.

Она помолчала, рассматривая меня, и я кожей почувствовал, как при взгляде ее косящих внимательных глаз все мои беды и несуразности прямо-таки взбухают и наливаются своей дурной силой. Посмотреть, конечно, было на что: перед ней крючился на парте тощий диковатый мальчишка с разбитым лицом, неопрятный без матери и одинокий, в старом, застиранном пиджачишке на обвислых плечах, который впору был на груди, но из которого далеко вылезали руки; в перешитых из отцовских галифе и заправленных в чирки марких **светло-зеленых** штанах со следами вчерашней драки. Я еще раньше заметил, с каким любопытством поглядывает Лидия Михайловна на мою обувку. Из всего класса в чирках ходил только я. Лишь на следующую осень, когда я наотрез отказался ехать в них в школу, мать продала швейную машину, единственную нашу ценность, и купила мне кирзовые сапоги.

Лидии Михайловне тогда было, наверное, лет двадцать пять или около того; я хорошо помню ее правильное и потому не слишком живое лицо с прищуренными, чтобы скрыть в них косинку, глазами; тугую, редко раскрывающуюся до конца улыбку и совсем **черные**, коротко остриженные волосы. Но при всем этом не было видно в ее лице жесткости, которая, как я позже заметил, становится с годами чуть ли не профессиональным признаком учителей, даже самых добрых и мягких по натуре, а было какое-то осторожное, с хитринкой, недоумение, относящееся к ней самой и словно

говорившее: интересно, как я здесь очутилась и что я здесь делаю? Теперь я думаю, что она к тому времени успела побывать замужем; по голосу, по походке — мягкой, но уверенной, свободной, по всему ее поведению в ней чувствовались смелость и опытность.

Я с трудом дотерпел до конца занятий и кинулся вниз. Тетя Вера, школьная уборщица, показала мне на стоящий в углу **белый** фанерный ящичек, в каких снаряжают посылки по почте. Я удивился: почему в ящичке? — мать обычно отправляла еду в обыкновенном мешке. Может быть, это и не мне вовсе? Нет, на крышке были выведены мой класс и моя фамилия. Видно, надписал уже здесь дядя Ваня — чтобы не перепутали, для кого. Что это мать выдумала заколачивать продукты в ящик?! Глядите, какой интеллигентной стала!

Заглянув в посылку, я обомлел: сверху, прикрытые аккуратно большим **белым** листом бумаги, лежали макароны. Вот это да! Длинные **желтые** трубочки, уложенные одна к другой ровными рядами, вспыхнули на свету таким богатством, дороже которого для меня ничего не существовало. Теперь понятно, почему мать собрала ящик: чтобы макароны не поломались, не крошились, прибыли ко мне в целости и сохранности. Я осторожно вынул одну трубочку, глянул, дунул в нее, и, не в состоянии больше сдерживаться, стал жадно хрумкать. Потом таким же образом взялся за вторую, за третью, размышляя, куда бы мне спрятать ящик, чтобы макароны не достались чересчур прожорливым мышам в кладовке моей хозяйки.

Среди зимы, уже после январских каникул, мне пришла на школу по почте посылка. Когда я открыл ее, достав опять топор из-под лестницы, — аккуратно, плотными рядами в ней лежали трубочки макарон. А внизу в толстой ватной обертке я нашел три **красных** яблока.

Раньше я видел яблоки только на картинках, но догадался, что это они.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение семантики и структуры цветообозначений традиционно для мировой и отечественной лингвистики. Ряд научных исследований посвящен анализу цветовой лексики в языке художественных произведений, поскольку лексические единицы со значением цвета участвуют в создании сложных многоплановых образов и способствуют созданию выразительности художественного текста.

В рамках исследования, посвященного анализу употребления колоративной лексики в повестях В.Г. Распутина, был произведен анализ научной литературы, на основании которого мы пришли к следующему выводу: цветообозначения в русском языке представляют собой тот пласт лексики, который демонстрирует универсальное и уникальное восприятие окружающего мира языковым сознанием.

В рамках данного исследования выявлены наиболее частотные цветообозначения в повестях В.Г. Распутина. Общее количество колоративов составляет 283 употребления. Проводимые наблюдения по выявлению частотности того или иного цвета в творчестве Валентина Григорьевича Распутина показывают, что наиболее значимыми цветами в его повестях являются белый, чёрный, а также красный и зеленый. Данные, полученные при анализе языкового материала, подтверждают тот факт, что красный, зеленый цвета играют в русском языковом сознании крайне важную роль, что выражается в том, что по частоте употребления в проанализированном нами языковом материале они уступают лишь белому и черному.

В своих произведениях писатель чаще всего использует прилагательное белый (85 употреблений) и черный (43 употребления). Данные прилагательные характерны для Распутина. Они сочетается с такими существительными, как свет, день, глаза, лицо, земля и т.д.

Цветовая картина мира В.Г. Распутина имеет свои яркие

индивидуальные особенности, что обусловлено неповторимостью цветовидения и художественного мировоззрения писателя. В своих произведениях В.Г. Распутин использует изначально присущие цвету свойства символа и его способность порождать массу ассоциаций.

Наиболее часто встречающиеся у Распутина колоративы реализуют предметно-изобразительную функцию: *«бравый сержант с багровым лицом»*; *«на полу тянулись красная, зеленая и черная нитки»*. Функция этой разновидности колоративов – дать наглядно-чувственное описание явлений, предметов быта, внешности, которые всегда окрашены.

В.Г.Распутин окрашивает самые разные предметы быта: табурет (*«Решительным движением подняла с пола валявшуюся на боку крепкую, выкрашенную зеленой краской, табуретку»*), шторы (*«Дочь занимала дальнюю выгородку, долго остававшуюся без дверей и укрываемую тяжелой бордовой шторой»*), самовар (*«Дарья взяла ее стакан, плеснула в него из заварника и подставила под самовар – большой, купеческий, старой работы, красно отливающий чистой медью»*) и т.д. При описании внешности человека Распутин обращает внимание на глаза, которые являются наиболее важной частью внешности. В сознании человека именно глаза напрямую связаны с внутренним миром человека, его мыслями, чувствами, душой. Недаром говорят, что глаза – зеркало души. Так, констатация деталей внешности становится более емкой, наглядной, лаконичной, внешнее соединяется с внутренним, характеризуя героя: *«Он полоснул большими ржавыми глазами по старухам»*; *«Но верзила, помявшись, покосившись еще на Богодула, который подмигивал ему жутким, как горящим, красным глазом, побежал догонять своих»*.

Литература есть отражение внешнего мира – именно поэтому эта функция колоративов естественна, органична и необходима. Следует сказать, что особенностью художественного мышления В.Г. Распутина является умение найти нужные слова. Он относится к слову бережно, старается найти емкие слова, не быть многословным. Поэтому, используя колоративы,

писатель стремится не только наполнить их изобразительностью, но и усилить семантику, сделать многофункциональными: *«Лишь кое-где на лугу сиротливо зеленели березы да на горях чернели острые обугленные столбы».*

Эмоционально-экспрессивная функция колоративов призвана нарисовать ярко и выразительно красочные, особенные отличительные свойства предметов и при этом выразить некое чувство, отношение, создать определенную эмоциональную ауру вокруг явления. Чаще всего такие колоративы метафоричны (*«Пышно, богато было на материнской земле – в лесах, полях, на берегах, буйной зеленью горел остров, полной статью катилась Ангара»*) или выступают как эпитеты: *«пшеничными увязками кос».*

В.Г.Распутин был писателем-моралистом, никогда не скрывал своих оценок, честно, прямо и без обиняков высказывал свое суждение. Его произведения – сплав публицистики и художественности, отсюда и колоративы принимают у него моральную коннотацию: *«...а по другую сторону, напротив нее через стол, извивался, визжал и кричал что-то неразборчивое кавказец в джинсовой куртке, **черный, безростый, с бешеным лицом и кипящими большими глазами**».*

Цветовые ассоциации психофизического свойства реализуют психологическую функцию цветообозначений. Уже говорилось, что цвет выражает язык определенных душевных эмоций, физических состояний и ощущений, являясь неким психологическим феноменом. В.Г.Распутин показал физическое состояние героев во время страха (*«Лицо ее сделалось мелким, жалким и **посинело**, словно от **синяка** под глазом краска под давлением разошлась по всему лицу, и покрылось точечными капельками пота»*), во время напряжения (*«Он зашел в кухню к жене взвинченный, лицо напряглось и **покраснело**»*), во время волнения и в минуты счастья, в моменты депрессии (*«Он смотрел на Светку, сидящую перед ним с поднятыми коленками в расшатанном и продавленном кресле: **посиневшая, в***

неделю опавшая до худобы, с мучительным взглядом сузившихся, не желающих ни на что смотреть, глаз») т.д.

Символика цветописи В.Г. Распутина очень своеобразна, необычна, поэтому бросается в глаза.

В символических значениях выступает колорема «зеленый» как символ природы, гармоничного уклада жизни, но человек находится в оппозиции к «зелени». С другой стороны, Распутин активно пользуется номинациями зеленого при назывании цвета одежды, материи, предметов и т.д.: *«зелёная куртка», «зелёная нить», «зелёненькие обои».*

Распутин прибегает к расширению семантики слова. Цветовую коннотацию у него приобретают такие лексемы, как *светлый, лучезарный, бледный, темнота, тьма, яркий, кровь, туман, озаряет.* Так создается поле психологического напряжения, цветность. Писатель, даже не употребляя колоративы, может нарисовать цветную картину при помощи опосредованных цветообозначений (*«Ночь была теплая и тихая, и, наверно, в другом месте – темная, но здесь, под огромным надречным небом, проглядная и сквозная»*).

Цветовой спектр, представленный в повестях, достаточно разнообразен и богат в своих оттенках. Эти данные говорят о том, что Распутин был действительно зорким и тонким художником. Он пользуется известными цветовыми обозначениями, но в то же время его художественный вкус, фантазия и талант не довольствуются общепринятыми названиями. Это заставляет его придумывать свои цветовые номинации, необыкновенные, красивые, образные, индивидуально-авторские: *«молочно-отстойной», «радужно-гнилое».*

Можно сделать вывод, что большое количество колоративов наделяет повести художественностью. В.Г.Распутин выступает как краснописец, т.е. художник, умеющий красиво писать. Создать наглядный чувственный образ явлений и предметов ему помогает цветопись. И эта цветопись многокрасочна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьева Б.Г. Психология чувственного познания. М., 1960
2. Бажин Е.Ф., Эткинд А.М. Изучение эмоционального значения цвета // Психологические методы исследования личности. Л., 1978.
3. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М. , 1975. 292 с.
4. Бахтина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М: Наука, 1975. 288 с.
5. Бородина М.А., Гак В.Г. К типологии и методике историко-семантических исследований (на материале лексики французского языка). Ленинград: Наука, 1979. 232 с.
6. Берлин Brent, Кей Пол. Теория Берлина-Кея. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.cyclopaedia.net/wiki/%D0%A2%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D0%91%D0%B5%D1%80%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D0%9A%D0%B5%D1%8F
7. Бражников И.Л., Газизова А.А., Пономарева Т.А. и др. Коллективная монография Творчество В.Г. Распутина в социокультурном и эстетическом контексте эпохи // Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. М., 2012. 244 с.
8. Василевич А.П. Цвет и его название. Развитие лексики цветообозначения в современной России // Русская речь. 2005. №5. С 9-20. 133.
9. Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. М.: Логос, 2003. 250 с.
10. Вежбицкая А. Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. 640 с.
11. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963. 255 с.
12. Выготский Л.С. Психология искусства // Общ. ред. В.В. Иванова,

- коммент. Л.С. Выготского и В.В. Иванова, вступит.ст. А.Н. Леонтьева. 3-е изд. М: Искусство, 1986. 111 с.
13. Герреславская Н., Чернов В. Валентин Распутин. Русский гений. М.: Книжный мир, 2013. 165 с.
 14. Гете И.В. Избранные сочинения по естествознанию // Учение о цвете. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 555 с.
 15. Горкин А.П. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. М.: Росмэн-Пресс, 2006. С.244-268.
 16. Григорьев В.П., Ковтунова И.И., Ревзина О.Г. и др. / под ред. Григорьева В.П. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: общие вопросы. Звуковая организация текста. М.: Наука, 1990. 226 с.
 17. Гуриев Л.С. Символика цвета // Цвет в нашей жизни: Хрестоматия по психологии (из серии «Познать человека») / Сост. А.А. Криулина. Курск, 1993.
 18. Драгунский В.В. Цветовой личностный текст. Практическое пособие. М.: Харвест, 2002. 448 с.
 19. Друговейко-Должанская С. Словарь цветообозначений русского языка. М., 2007. 280 с.
 20. Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период. М., Вост. лит. 2007. 223 с.
 21. Жаркынбекова Ш.К. Концепты цвета в казахской и русской лингвокультурах/ Ш.К. Жаркынбекова. Алматы: 2004, 357 с.
 22. Зернов В. А. Цветоведение. М.: Книга, 1972.
 23. Ибраев Л.И. Слово и образ / Филологические науки. №1. 1981. С. 18-24.
 24. Калимулин И.И. Валентин Распутин: художественно-творческая эволюция // Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Бирск: 2002. 223 с.
 25. Кузин В.С. Психология живописи. М., 2005.

26. Кульпина В.Г. Теоретические аспекты лингвистики как научного направления сопоставительного языкознания: Автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2002.
27. Курбатов В.Я. Валентин Распутин: личность и творчество. М.: Сов.писатель, 1992. 176 с.
28. Ли Э.В. Стилистические функции языковых средств в прозе В.Г. Распутина // Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Алма-Ата, 1985.
29. Люшер М. Магия цвета. Харьков: Сфера, 1996. 432 с.
30. Макеенко Н.В. Семантика цвета в разноструктурных языках: универсальное и национально. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Саратов, 1999.
31. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 183 с.
32. Мамона Т.Н. Работа над изобразительно-выразительными средствами на уроках русского языка в процессе исследовательской деятельности учащихся профильных классов // Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. М., 2009.
33. Меньчева С.И. Цветообозначение в произведениях Е.Замятина: семантика, грамматика, функция. М., 2004.
34. Мичугина С.В. Денотативное пространство прилагательных цвета в английском языке: Дисс. канд. филол. наук. М., 2005. 135 с.
35. Москович В.А. Статистика и семантика // Опыт статистического анализа семантического поля. М.: Наука, 1969. 304 с.
36. Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: материалы VII студенческой международной заочной научно-практической конференции // Новосибирск: СибАК, 2013. С.192-201.
37. Обухов Я.Л. Символика цвета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.videoton.ru/Articles/sym_color.html
38. Пелевина Н. Ф. Теория значения и опыт построения семантических полей (значения света и цвета): Автореф. дис. докт. филол. наук. JL,

1971.31 с.

39. Научная библиотека диссертаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/semanticheskoe-pole-tsvetooboznachenii-altaiskogo-yazyka-v-sopostavlenii-s-mongolskim-yazyko#ixzz4BqFbrG3>

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Словник цветообозначений в повести

В.Г. Распутина «Прощание с Матёрой»

1. «Опять на верхнем мысу бойко зашумела вода, скатываясь по речке на две стороны; опять запылала по земле и деревьям **зелень**, пролились первые дожди, прилетели стрижи и ласточки и любовно к жизни заквакали по вечерам в болотце проснувшиеся лягушки» (с.1).
2. «Все на месте, да не все так: гуще и нахальной полезла крапива, мертво застыли окна в опустевших избах и растворились ворота во дворы – их для порядка закрывали, но какая-то нечистая сила снова и снова открывала, чтоб сильнее сквозило, скрипело да хлопало; покосились заборы и прясла, **почернели** и похилились стайки, амбары, навесы, без пользы валялись жерди и доски – поправляющая, подлаживающая для долгой службы хозяйская рука больше не прикасалась к ним» (с.1).
3. «Во многих избах было не **белено**, не прибрано и ополовинено, что-то уже увезено в новое жильё, обнажив угрюмые пошарпанные углы, и что-то оставлено для нужды, потому что и сюда еще наезжать, и здесь колупаться» (с.1).
4. «От колчаковцев остался в Матёре срубленный ими на верхнем краю у голомыски барак, в котором в последние годы по **красным летам**, когда тепло, жил, как таракан, Богодул» (с.2).
5. «Снова опустили разговор, разморенные чаем и бьющим из окна, что выходило на закат, ярким клонящимся солнцем» (с.3).
6. «Жары на острове, посреди воды, не бывает; по вечерам, когда затихал ветерок и от нагретой земли исходило теплое парение, такая наступала кругом благодать, такой покой и мир, так густо и свежо сияла перед глазами **зелень**, еще более приподнявшая, возвысившая над водой остров, с таким чистым, веселым перезвоном на камнях катилась Ангара и так все

- казалось прочным, вечным, что ни во что не верилось – ни в переезд, ни в затопление, ни в расставание» (с.4).
7. «Не спрашивая у Настасьи, Дарья взяла ее стакан, плеснула в него из заварника и подставила под самовар – большой, купеческий, старой работы, **красно** отливающий чистой медью, с затейливым решетчатым низом, в котором взблескивали угли, на красиво изогнутых осадистых ножках» (с.6).
 8. «Угарно и сладко пахло от истлевающих в самоваре углей, косо и лениво висела над столом солнечная пыль, едва шевелящаяся, густая; хлопал крыльями и горланил в ограде петух, выходил под окно, важно ступая на крепких, как скрученных, ногах, и заглядывал в него нахальными **красными** глазами» (с.6).
 9. «В другое окно виден был левый рукав Ангары, его искрящееся, жаркое на солнце течение и берег на той стороне, разубранный по луговине березой и черемухой, уже запылавшей от цвета» (с.6).
 10. «Здоровенный, как медведь, мужик в **зеленой** брезентовой куртке и таких же штанах, шагая по могилам, нес в охапке ветхие деревянные надгробия, когда Дарья, из последних сил вырвавшись вперед, ожгла его сбоку по руке подобранной палкой» (с.7).
 11. «Но-но, бабка. Ты это... ты руки не распускай. Я тебе их свяжу. Ты... вы... – Он полоснул большими **ржавыми** глазами по старухам. – Вы откуда здесь взялись? Из могилок, что ли?» (с.7).
 12. «На шум из кустов вышел второй мужик – этот поменьше, помоложе и поаккуратней, но тоже оглоблей не свернешь и тоже в **зеленой** брезентовой спецовке – вышел с топором в руке, и, остановившись, прищурился» (с.7).
 13. «Вид у него был замотанный, усталый, **черное** цыганское лицо **посерело**» (с.8).
 14. «Шляпа у Жука съехала набок, открыв **черные как смоль** и кудрявые волосы, так что сходство с цыганом стало еще большим, – казалось, вот-

вот он не выдержит и по-цыгански, с гиком подпрыгнув, начнет налево и направо лопотать по-своему, отбиваясь сразу от всех» (с.8).

15. «Но верзила, помявшись, покосившись еще на Богодула, который подмигивал ему жутким, как горящим, **красным** глазом, побежал догонять своих» (с.10).
16. «Из дремучих зарослей на лице выглядывала лишь горбушка мясистого кочковатого носа да мерцали **красные, налитые кровью** глаза» (с.11).
17. «От снега до снега Богодул шлепал босиком, не разбирая ни камней, ни колючек; ноги его, разлапистые и **черные**, потерявшие видимость кожи на них, настолько затвердели, что казались окостеневшими, будто на старую кость выросла новая» (с.11).
18. «Хоть и бесполезный, зловердный человек, каких поискать по **белому свету**» (с.12).
19. «Утро было позднее и тихое; солнце, вставшее уже высоко, светило ясно и ярко, но без мощи, без напора, со сдержанной силой, и это чувствовалось даже в избе: свет за окнами казался вялым, а разные шумы вокруг словно бы не собирались сюда, в одно место для слуха, а оттекали в стороны» (с.12).
20. «А взявшись за край дола, потянула его дальше: вынесла пойло, кинула курицам, которые всполошенно и шумно бросились на корм, убрала со стола и к той поре, когда в сенях зашумел самовар, опустила в фарфоровый запарник две щепотки **черного** плиточного **чая** и пристроила его на конфорку» (с.13).
21. «И **подбелил** бы когда в охотку тот же чай, ан нечем, поминай как звали» (с.13).
22. «В горе, в зло будешь купаться, из сил выбьешься, к нам захочешь – нет, живи, шевелись, чтоб покрепче зацепить нас с **белым светом**, занозить в ем, что мы были» (с.13).
23. «Через силу подоила корову, а то уж она, бедная, изревелась, выпустила ее – окошек не вижу, одна темень в глазах» (с.13).

- 24.«Откопали сбоку мамкин гроб, а он даже капельки не **почернел**, будто вчерась клали» (с.14).
25. «А он был печник любо-дорого на весь **белый свет**» (с.14)
- 26.«Ежли есть в **белом свете** грех, какой ишо надо грех?» (с.15)
- 27.Да уж темно и было, не понять, где кто лежит.
- 28.«Соберутся где и хахают, и хахают на всю Матёру, а он сидит – голова **рыжая**, рожа разбойная, вся в конопушках, и зубы редкие» (с.16).
- 29.«Солнце ближе к обеду еще больше помутилось, свет его был бледным и слабым» (с.16).
- 30.«На **выбеленных**, с отсыхающей известью стенах, на вышорканном до разводистых углублений полу, на потрескавшихся подоконниках – везде, куда попадал этот свет, казалось сирю и убого, продавлено глубокой непоправимой старостью» (с.16).
- 31.«По открывающемуся в окне отрубку Ангары жуком проскочила с жужжаньем моторная лодка, заколыхалась волна; в другом окне поверх заплота лежало **белесое** оплывшее небо» (с.16).
32. «На левом высоком берегу березы совсем другие – высокие, чистые и богатые, оставляющие от прикосновенья легкую **известь белизны**, стоящие просторно и весело, словно и расставленные для какой-то игры, по три-четыре вместе» (с.17).
- 33.«А бывало, вся деревня запрягала коней и ехала сюда по горячему солнцу на праздник, бывало, бросались с высокого яра в темную воду парни, и, как говорит старая молва, в какое-то давнее лето парень по имени Проня не поднялся обратно на яр и с тех пор много лет бродит тут по ночам, как русалочий муж, и кого-то несмело и неразборчиво кличет» (с.17).
- 34.«Видела Дарья на память и дальше – снова поля по обе стороны от дороги, на них там и сям одинокие старые деревья, больше всего сушины, метившие когда-то в пору единоличного хозяйничанья границы участков, а на деревьях лениво и молча, смущенные блеклым бледнеющим солнцем и неурочной тишиной, сидят вороны» (с.17).

- 35.«Дорога подворачивает к старому гумну, где в мякине, сквозь которую прорастает зерно, возятся воробьи, а **почерневшая** солома лежит наъменными пластами – сколько, в самом деле, кругом старого, отслужившего свой век и службу, остающегося без надобности, но догнивающего медленно и неохотно» (с.17).
36. «И не понять, в солнце остров или уже нет солнца; есть оно в небе, есть какое-то сияние в воздухе и на земле, но слабое, едва подкрашенное, не дающее тени» (с.18).
- 37.«Кругом сонно и терпеливо и кругом безгласно – молчком лежит слева старая деревня с подслеповатыми, будто в бычьих пузырях, окнами; застыл на поскотине обезглавленный «царский листвень», слепо растопырив огромные ветви со своими ветками; бледными и снулыми кажутся **зеленеющие** поля; жидкими, не в полный лист и не в полный рост кажутся леса; и, конечно, тоже молчком, убого и властно, не выдавая тайны, лежит кругом другая, более богатая деревня, закрытая теперь для поселенья, – кладбище, пристанище старших...»(с.18)
- 38.«Он с трудом содрал сапоги, вынес их, чтоб не воняли, в сени и прошел босиком в передний угол, сел на топчан, старательно устанавливая перед собой **белые** надрябшие ноги» (с.19).
39. «Тут все знакомо, обжито, проторено, тут даже и смерть среди своих виделась собственными глазами ясно и просто – как оплачут, куда отнесут, с кем рядом положат, там – полная тьма что на этом, что на том свете» (с.22).
40. «Ночь была теплая и тихая, и, наверно, в другом месте – темная, но здесь, под огромным надречным небом, проглядная и сквозная» (с.22).
- 41.«Покойно, недвижно лежала Матёра: темнели леса, водянисто **серебрилась** по земле молодая трава, большими расплывчатыми пятнами **чернела** деревня, где ничто не стучало и не брнчало, но словно бы подготавлилось к стуку и бряку» (с.23).

42. «Были среди них и нестарые, ставленные и тридцать и двадцать лет назад, не успевшие **почернеть** и вращи в землю, но и они смиренно стояли в общем ряду, ведая свою судьбу, подвигаясь к ней под короткой летней ночью еще на один шаг» (с.24).
43. «Здесь было видней, в распахнутом просторе слоисто мерцали темные дали; стеклянно взблескивала и стеклянно же позванивала на нижнем перекате вода» (с.24).
44. «Остров продолжал жить своей обычной и урочной жизнью: поднимались хлеба и травы, вытягивались в земле корни и отрастали на деревьях листья; пахло отцветающей черемухой и влажным зноем **зелени**; шепотливо клонились к воде по правому берегу кусты; вели охоту ночные зверьки и птицы» (с.24).
45. «Голые стены, на которых **белеют** пятна от снятых рамок с фотографиями, а и межоконье – большой круг от зеркала; голые заборки, голый пол, раскрытые двери, надпечье, откуда сняли занавески; пустые вешалки, пустые углы – кругом пусто, голо, отказно» (с.25).
46. «Неделю назад причалил первый в нынешнее лето плавларек, снабжающий бакенщиков; дед Егор услышал и сбегал, взял махорки и две бутылки **красного**, некрепкого» (с.25).
47. «Ни соринки, ни хмуринки в огромном, ярко-сухом небе; солнце звонкое, жаркое» (с.26).
48. «Под звонким, ярким солнцем с раннего утра все кругом звенело и сияло, всякая малость выступила на вид, раскинулась не таясь» (с.26).
49. «Пышно, богато было на материнской земле – в лесах, полях, на берегах, буйной **зеленью** горел остров, полной статью катилась Ангара» (с.26).
50. «Вовсю разгорелось солнце, выцвела зелень на острове, сквозь воду сочно сияли на дне камни» (с.30).
51. «Горячими, сверкающими полосами вспыхивала, играя, Ангара, в них со свистом бросались с лету и терялись в искрении стрижи» (с.30).

52. «Там, где течение было чистым, высокое яркое небо уходило глубоко под воду, и Ангара, позванивая, как бы летела в воздухе» (с.30).
- 53.«Подступила и эта ночь, первая жаркая и яркая на Матёре» (с.30).
- 54.Из темноты вынырнула Дарья и встала рядом с Катериной – и остальным сделалось спокойней, что Дарья там, рядом, что она, понадобится если, удержит около себя Катерину и что они, стало быть, могут оставаться на своих местах.
- 55.«Настолько ярко, безо всяких помех, осветилась этим огнем судьба каждого из них, та не делимая уже ни с кем, у близкого края остановившаяся судьба, что и не верилось в людей рядом, – будто было это давным-давно» (с.32).
56. «Далеко кругом озарено было этим жарким недобрым сиянием – в нем светились ближние, начинающиеся улицей, избы и тоже как горели, охваченные мечущимися по дереву бликами; им озарялась Ангара под берегом, и там, где она озарялась, зияла открытой раной с пульсирующей плотью; бугор за дорогой, который то выхватывало из темноты, то снова задвигало в нее прыгающим сиянием, казался **бурым, опаленным**» (с.32).
- 57.«Тесина на крыше вдруг поднялась в огне стоймя и, **черная, угольная**, но все же горящая, загнулась в сторону деревни – там, там быть пожарам, туда смотрите» (с.32).
58. «При набирающемся утреннем свете светлеет и огонь» (с.33).
59. « Хек!» – только и нашелся ответить Петруха и отступил в темноту» (с.33).
- 60.«Но темнота уже заметно помякла, поникла, с неба разливался рассвет» (с.33).
61. «Он видел, как замерцала изнутри изба, сначала прерывистым, слабым сиянием, которое все набиралось и набиралось, пока окна не залило сплошь играющей краской» (с.33).
62. «Высоким заревом вспыхнула крыша, свет достал и до Хозяина, которому пришлось ползком выбираться в темноту» (с.33)

- 63.«В свете этого щедрого пожара он хорошо видел блеклые покуда, как нарисованные, огоньки над живыми еще избами – только он мог их видеть и видел, отмечая, в какой очередности возьмет их огонь» (с.34).
64. «Он там бывал, видывал его – хороший поселок, но мало ли их, хороших поселков, **на белом свете?**» (с.35)
- 65.«Сверху земля **черная**, а подняли ее – она **красная**, в пору кирпичный завод ставить» (с.35).
- 66.«Хлеб не родит земля – привезут тебе хлеб, готовенький, смолотый – испеченный, в белых, черных и серых булках, ешь от пуза!» (с.35)
- 67.«Павел удивлялся, глядя на Соню, на жену свою: она как вошла в дом – в квартиру теперь надо говорить, не в дом, – как вошла, ахнула, увидев сверкающую игрушку – электроплиту, цветочки-лепесточки на стенах, которые и белить, оказывается, не надо, шкафчики, вделанные внутрь, да еще ванную с кафелем, а в ней сидяк, пока, правда, без воды, бездействующий, да еще **зелененькую** и веселенькую, с одной стороны полностью застекленную веранду – будто тут всегда и была» (с.36).
68. «К ним подлаживались, их уважали, без них, как правило, не раскрывали **белого дня**, с их наказа и почина делались все остальные дела» (с.37).
- 69.«Теперь одним разом не стало у Катерины ни дома, ни самовара, ни русской печи (она, печь-то, не сгорела, потрескавшаяся и раскрытая, торчала на пепелище, как памятник – да **белый свет**, что ли, ею обогреть?)» (с.37).
70. «Алеша Звонников тоже был порядочный баламут, и Петруха взял от него по этой части немало, но он и до работы был охочий мужик и имел же что-то особенное, если смирилась с Катериной его родная баба и если сама Катерина, ни на что не надеясь, вся светилась и обмирала от радости, когда в ночь-полночь подворачивал к ней чужой мужик» (с.38).

71. «Потом, когда родился Петруха, Алеша и вовсе перестал таиться и открыто взял на себя заботу о новой своей семье, среди **бела дня** на глазах у народа привозил Катерине дрова и сено, поднимал завалившееся прясло» (с.38).
- 72.«Ниче уж живого нету, все вывалилось, окостенело, ни зубов, ни рогов, ни холеры – нет, милей тебя **белый свет** нее не видывал» (с.40).
- 73.«За деревней с верхнего края, где повыше, появились разноцветные палатки, по острову разгуливал народ – кто бродил по кладбищу, кто сидел на берегу, невесело глядя куда-то вдаль, кто подбирал на полянах первую **красную** ягоду – и непросто было сразу сказать, свои это или чужие» (с.42).
74. «Петруха после двухнедельной отлучки воротился в Матёру развеселый, в новом, но уже изрядно помызганном светлом костюме с **красной** ниткой и в кожаной кепке с **коричневыми** разводьями, и в наряде этом еще больше стал смахивать на урку» (с.43).
- 75.«Два дня он потосковал в Матёре без магазина и нырнул в новый поселок, три дня плавал там, не снимая своего маркового костюма, светлый тон в котором после этого остался только далеко в глубине, а **красная** нитка полностью исчезла» (с.43).
76. «Павлу как отцу выпало обойтись без дочерей, четырежды Соня, жена его, рожала, и все были парни, но один сразу же, как только открыл глаза, не вынес **белого света** и отошел, осталось трое» (с.44).
- 77.«Нет, парень, весь **белый свет** не обживешь» (с.45).
- 78.«Потемнела земля, крупными сосульчатыми каплями закапало с крыш; пенясь, остановилась в окне Ангара» (с.45).
79. «Ветки на деревьях обвисли, с них обрывались большие и **белые**, похожие на снег, капли; обвисли и нескошенные травы, спрятав острые возглавия и выстелившись сплошным согбением, о которое шумел и шумел то сильней, то слабей, упадая, дождь» (с.49).

80.«После первых трех дней начала прибывать Ангара, замолкло, захлебнулось веселое ее бормотание на мысу и по релке, понесло мусор, заметней вздулась, пенясь, проносная вода – пену выталкивало к берегам, к затопленной тиши, но она, добираясь в **белые** клочковатые мыри, хитрыми, изворотливыми кругами снова выбиралась на быстрину и куда-то устремлялась, что-то показывала из себя» (с.49).

81. «Зароды в конце концов они поставят и увезут, коровы к весне до последней травинки их приберут, всю работу, а вот эти песни после работы, когда уж будто и не они, не люди, будто души их пели, соединившись вместе, – так свято и изначально верили они бесхитростным выпеваемым словам и так истово и едино возносили голоса; это сладкое и тревожное обмирание по вечерам пред красотой и жутью подступающей ночи, когда уж и не понимаешь, где ты и что ты, когда чудится исподволь, что ты бесшумно и плавно скользишь над землей, едва пошевеливая крыльями и правя открывшимся тебе благословенным путем, чутко внимая всему, что проплывает внизу; эта возникшая неизвестно откуда тихая глубокая боль, что ты и не знал себя до теперешней минуты, не знал, что ты – не только то, что ты носишь в себе, но и то, не всегда замечаемое, что вокруг тебя, и потерять его иной раз пострашнее, чем потерять руку или ногу, – вот это все запомнится надолго и останется в душе незакатным светом и радостью» (с.50).

82.«С утра попробовало распогодиться, тучи отжато посветлели и заворошились, пахнуло откуда-то иным, легким воздухом, вот-вот, казалось, поднырнет под тучи солнце, и люди поверили, тоже зашевелились, собрались к Павлу справляться, будет ли дело» (с.50).

83. «А пока собирались да рассуждали, опять потемнело и потекло» (с.50).

84.«Среди **бела дня** стало темнеть, дождь хлестал как сумасшедший, веселый разговор поневоле померк, мало-помалу перешел опять все к тому же, – к Матёре, к ее судьбе и судьбе матёринцев» (с.51).

85. «Темь, которая перед тем пала, как под самую ночь, будто опустили сверху над Матёрой крышку, теперь рассосалась, – было **серо** и размыто, и так же **серо** и размыто было в небе, где глаза ничего не различали, кроме водянистой глубины» (с.52).
86. «И **серо**, мглисто было в избе, где все они на минуту замерли в молчании, точно камни» (с.52).
87. «Хватит пыль глотать, вон **почернел** весь от ее» (с.54).
88. «Притихнет и снова забарабанит, падет без солнца слабый, скошенный многими углами солнечный свет и опять померкнет, опять забрызгало – словно из какой-то вредности и нарочитости, чтобы не подавать людям надежды, что когда-нибудь окончательно прояснит» (с.54).
89. «Будут всходить они, как всегда, и протягиваться над островом, но уже пустынным и прибранным, откуда не поднимутся в небо человечесьи глаза: где там, рано или поздно, **красное солнышко?**» (с.55)
90. «Под вечер разъяснило больше и шире, чем в прежние короткие обещания, небо поднялось, облака в нем висели горами и начинали с краев **белеть**» (с.56).
91. «И Павел поверил: все, конец ненастью, а поверив, решил проверить, что успел натворить дождь, – не **почернела** ли гребь, не загорелись ли копны, чтобы знать, с чего опять начинать работу» (с.56).
92. «Это че на **белом свете** дается!» (с.57)
93. «Опосле опомнится – стыдно станет, обозлится на себя... а раз на себя, то и на весь **белый свет**» (с.58).
94. «Лицо ее просветлело» (с.59).
95. «Пред самым закатом оно выкатилось на узкую чистую полосу и, объявляя свое освобождение, зазвенело, засияло, обещая, что только зайдет за ночь, а утром выйдет и примется за работу» (с.59).
96. «Мокрая земля задымила **белым**, молочным парком, который тут же сгорал под солнцем; готовились кваситься лужи, в них со вниманием заглядывали, словно решаясь наконец научиться плавать, курицы, в

- них бродили поросята, но без жары не ложились, только примеривались, где можно будет позже лечь» (с.59).
97. «**Зелень** в лесах и травах налилась и загустела до темноты, но и после недельного ненастья нигде не тронулся **желтизной** лист – лето, значит, будет долгим» (с.59).
98. «Андрей выбрался из тальниковых кустов выше по берегу в полверсте от нее, в руках у него был котелок, в котором что-то **ярко краснело**» (с.61).
99. «Отцветало небо и солнечными днями смотрелось тяжелым и мякотным» (с.62).
100. «Погода больше не дурила, стояла ветреная, сухая, но уже чувствовалось, чувствовалось время: ночами было студено; ярко, блескуче горели звезды и часто срывались, догорая на лету, прочеркивая небо прощальными огненными полосами, при виде которых что-то тревожно обрывалось и в душе, сиротя и сжимая ее; по утрам, после особенно звонких ночей, наплывали **серые мутные** туманы, держась покуда возле берегов, не застилая всей площадью Ангару, а дни, ставшие заметно короче, но не потерявшие силы и мощи, казались до предела полными и тугими, вобравшими в себя больше, чем они могут свезти» (с.62).
101. «Ни холеры **зеленой** траве от него не будет» (с.63).
102. «Вслед за кислицей поспела по берегам **черная смородина**; Дарья раз на обыденок сходила и в момент нахлестала большое ведро, едва дотащила его до кладбища и оставила там у родных могилок в кустах» (с.63).
103. «Текла в солнечном сиянии Ангара... текло под слабый верховик с легким шуршанием время» (с.64).
104. «Уйдет под воду Матёра – все так же будет сиять и праздновать ясный день и ясную ночь небо» (с.64).
105. «Босой, лохматый и **красноглазый**, с огромными, как у обезьяны, руками и цепким пугающим взглядом, он поневоле внушал к

- себе почтение, а когда кто-то из деревенских подсказал, что на нем есть грех, а может, и не один за убийство, Богодула и задирать стали меньше» (с.65).
106. «Дула низовка, и весь дым с Подмоги несло на Матёру – не видно в иные часы было неба, солнце, выныривая, проглядывало бледным кругляшком» (с.65).
107. «На березе свертывались, подрагивая, листочки, западали с жаркой стороны тяжелые ветки, и вся она в ярком зареве казалась бесцветной, прозрачной» (с.66).
108. «Несли горький **черный** дым с Подмоги, который набирался в жильё и доводил до кашля, и она думала: поехала Подмога, поехала» (с.66).
109. «Но теперь и посреди деревни зияла **черная** дымящаяся яма, а глаз, не находя опоры, проваливался и обрывался, как в колодец, в дальний ангарский простор» (с.67).
110. «В тот вечер, когда «поехала» мельница, Дарья с Катериной, воротясь в темноте с пожара домой, натолкнулись на крыльце на Симу с мальчишкой» (с.67).
111. «Старухи уже и не видели, а только слышали друг друга; сладко посапывал во сне возле Симы мальчишка, леденисто мерцали окна, огромной, одна на весь **белый свет**, казалась изба, в которой все еще стоял слабый, дразнящий, с кислинкой, запах дотлевающих в самоваре углей – и слова возникали как бы сами собой, без усилий, память была легкой и покладистой» (с.68).
112. «Вечерний свет погас, и теперь после недолгой темноты всходил ночной: ярче обозначались окна, мертвым сиянием дробился мутный воздух, выплывали, покачиваясь, из невиди предметы, ложились слабые дроглые тени» (с.69).
113. «А рассветет, **белый день** выйдет – ишо потопчемся» (с.72).

114. «И падал этот дождь светло и тихо, не забивая воздуха и не закрывая dalej, не давая лишней воды, – сквозь неплотные, подтаивающие тучи вторым, прореженным светом удавалось сочиться солнцу» (с.72).
115. «Горело на удивление долго, только под вечер опал огонь, но еще в темноте горячим, накальным жаром полыхала высокая горка углей – то, что осталось от конторы» (с.72).
116. «Но, охая над белыми и чистыми в песочке, крупными, как поросята, картофелинами, охали и над мешками, которые приходилось ворочать по многу раз, прежде чем отправить с острова, не говоря уж о том, как доставить их до места» (с.73).
117. «Отпросился с работы Павел, впервые за лето приехала Соня, но приехала зато не одна, с работницей, с которой они вместе постукивали в конторе на счетах, с молодой **рыжей** хохотушкой по имени Мила» (с.74).
118. «После Сима охала, что надо было продать больше, а она придержалась, половину картошки для чего-то сберегла, и та теперь лежала в сенцах на свету и зеленела» (с.75).
119. «Дарья гнала ее на траву – Майка мычала и забивалась в грязную и темную стайку» (с.76).
120. «Сильно и удушливо пахло гарью: снималась с земли, отлетая в небо, сосновая пустошка за поскотиной, и бесцветное, словно пустое, похожее на большой игривый солнечный зайчик пламя то выскакивало вверх, то опадало» (с.76)
121. «Воротца на кладбище были распахнуты, а сразу за воротцами, на первой же полянке, **чернела** большим пятном выжженная земля» (с.76)
122. «В изголовье, но не на холмике, а на соступе с него, росла рябина, посаженная когда-то ею же, Дарьей, на траве валялись клеванные птицей **красные** ягоды» (с.77).

123. «Но Дарья не захотела воротиться в этот мир, где светило закатым сиянием солнце и прыгали пташки, – было еще не время» (с.78).
124. «Подрагивали над ними листья на деревьях, качалась высокая **белеющая** трава» (с.84).
125. «Справа, где горела пустошка, ярко плескалось в сумерках пламя; прокалывались в небе звездочки; четко и грозно темнел на поскотине одинокий «царский листвень» (с.96).
126. «Для воды, по крайней мере, они уже не годились: на том и другом темнели дырки» (с.102).
127. «О него терлись коровы, бились ветры, деревенские парни приходили с тозовкой и стреляли, сшибая наросты серы, которой потом одаривали девок, – и кора со временем сползла, листвень оголился и не способен был больше распускать по веснам **зеленую** хвою» (с.103).
128. «Ствол **выбелился** и заостенел, его мощное разлапистое основание, показывающее бугры корней, вызванивало одну твердь, без всякого намека на трухлявость и пустоту» (с.103).
129. «А неподалеку, метрах в двадцати ближе к Ангаре, стояла береза, все еще **зеленеющая**, дающая листву, но уже старая и смертная» (с.104).
130. «Посвети-ка, а то темно стало» (с.104).
131. «Мы темно не любим» (с.104).
132. «Огонь затрещал, скручивая бересту, пуская **черный**, дегтярный дым, и вдруг разом пыхнул, на мгновение захлебнулся своим широким дыхом и взвился высоким разметным пламенем» (с.105).
133. «И береза, виноватая только в том, что стояла она вблизи с могучим и норовистым, не поддавшимся людям «царским лиственем», упала, ломая последние свои ветви и обнажив в местах среза и сломав уже и не **белое**, уже **красноватое** старческое волокно» (с.107).

134. «Лишь кое-где на лугу сиротливо **зеленели** березы да на горях **чернели** острые обугленные столбы» (с.110).
135. «Низкие, затухающие дымы ползли по острову; **желтела**, как дымилась, стерня на полях с опаленными межами; выстывали луга; к голой, обезображенной Матёре жалась такая же голая, обезображенная Подмога» (с.113).
136. «Пришлось Дарье идти на косу близ верхнего мыса и подбирать **белый** камень, а потом через силу таскать его, вытягивая последние руки, в ведре, потому что все мешки увезли с картошкой в поселок, а потом через «не могу» нажигать этот камень, как в старину» (с.117).
137. «Кистка нашлась, кистки у Дарьи постоянно водились свои, из высокой и легкой **белой** лесной травы, резанной перед самым снегом» (с.121).
138. «**Белить** избу всегда считалось напраздником; **белили** на году по два раза – после осенней приборки перед покровом и после зимней топки на Пасху» (с.123).
139. «Подготовив, подновив избу, выскоблив косарем до **молочно-отстойной желтизны** пол, принимались за стряпню, за варево и жарево, и крутиться возле **подбеленной** же печки с гладко вылизанным полом, среди чистоты и порядка, в предчувствии престольного праздника, было до того ловко и приятно, что долго-долго не сходило потом с души светлое воскресение» (с.126).
140. «Голова, когда Дарья взбиралась на стол, кружилась, перед глазами протягивались сверкающие огнистые полосы, ноги подгибались» (с.1328).
141. «Нет, **выбелит** она сама» (с.130)
142. «**Белить** ее не учить, за жизнь свою **набелилась** – и известка ложилась ровно, отливая от порошка мягкой **синевой**, подсыхающий потолок струился и дышал» (с.133).
143. «И уже казалось ей, что **белится тускло** и скорбно, и верилось, что так и должно **белиться**» (с.135).

144. «Мы завтра поджигать будем, а она **белит**» (с.136).
145. «В тот же день она **выбелила** и стены, подмазала русскую печку, а Сима уже в сумерках помогла ей помыть крашеную заборку и подоконники» (с.139).
146. «Подумав об окнах, Дарья вдруг спохватилась, что остались **не белены** ставни» (с.141).
147. «Она-то считала, что с **беленкой** кончено, а про ставни забыла» (с.143).
148. «Дарья **добеливала** ставни у второго уличного окна, когда услышала позади себя разговор и шаги – это пожогщики полным строем направлялись на свою работу» (с.146).
149. «Она пошла в телятник, раскрытый уже, брошенный, с упавшими затворами, отыскала в углу старой загородки **заржавевшую, в желтых_пятнах**, литовку и подкосила травы» (с.147).
150. «Собрала ее в кошеломку, воротилась в избу и разбросала эту наось по полу; от нее пахло не столько **зеленью**, сколько сухостью и дымом – ну да недолго ей и лежать, недолго и пахнуть» (с.149).
151. «Смеркалось; вечер пал теплый и тихий, со светленькой **синево**й в небе и в дальних, промытых сумерками, лесах» (с.151).
152. «И она уже смотрела на перелетающую чуть поперед и обок **желтогрудую** птичку, которая то садилась, то снова вспархивала, словно показывая, куда идти, как на дальнюю и вещь посланницу» (с.154).
153. «Ее по-прежнему не оставляло светлое, истайна берущееся настроение, когда чудилось, что кто-то за ней постоянно следит, кто-то ею руководит» (с.157).
154. «Уже при лампе, при ее **красноватом** и тусклом мерцании она развешивала с табуретки пихту по углам, совала ее в надоконные пазы» (с.159).
155. «На полу была натоптана **красная** пыль от кирпичей, где когда-то стояла железная печка» (с.161).

156. «А сам без улишного воздуха извесь уж прозрачный сделался, **белый**, весь потоньчел» (с.163).
157. «Днем говорит: «Поди, Настасья, возьми **красенького**, чей-то я весь отерп» (с.163).
158. «У нас магазин через дорогу, а в том магазине **красенького** не было, я пошла ишо через дорогу» (с.165)
159. «Там машины, со всего **белого свету** машины – так и фуркают мимо, так и фуркают» (с.165).
160. «Солнце зашло, в курятнике быстро темнело» (с.166)
161. «Спохватились зажечь свет, ан нет: у Богодула, как у таракана, светить нечем – ни лампы, ни свечки, а свою лампу Дарья оставила в избе, а она, поди, подбавила огня» (с.166).
162. «Скоро чуть посветлело, выявились стены, и Богодул доложил:– Цыганско солнце, кур-рва!» (с.167)
163. «Съехали с нее последние люди, которым жить дальше, ушел свет, и, чудилось, всё – никто не приедет и свет не вернется, а их, прилипших к Матёре, так и понесет в темноте куда-то, так и понесет, покуда одним разом для всех не пробьет последний час» (с.167).
164. «Пришлось сидеть в темноте» (с.169).
165. «А так приспичило на Матёру напоследок поглядеть, так приспичило... **свету белого** не вижу» (с.172).
166. «В темноте Настасья засморкалась, закачалась» (с.174).
167. «И удивительно, что Павел представлял себе это просто и ясно, как не один раз пережитое, – и лодку на огромной, высоко поднятой воде, и себя в лодке, пытающегося по далеким берегам определить место Матёры, пристально вглядывающегося в темную замершую массу воды – не подастся ли оттуда, из сонной глубины, какой знак, не блеснет ли где огонек» (с.174).
168. «Нет, ни знака, ни огонька» (с.174).

169. «Далеко-далеко **синел** за запанью, где шла Ангара, противоположный берег и круто, почти отвесно вздымалось над ним чистое застывшее небо с одним-единственным, заткнутым за горизонт пером легкого, чуть подкрашенного облачка» (с.175).
170. «Вечер тек тихо и томно, ласково оплывая лицо, и темнота все еще не просела» (с.177).
171. «Слетел с осины напротив **красный** лист и застыл в воздухе, высматривая, куда править, но оно, движение, подхватило его и вынесло на дорогу, продернуло еще чуть по земле» (с.179).
172. «Соня, ожидая его, сидела внизу, в кухне, и вязала, из большой кастрюли на полу тянулись **красная, зеленая и черная** нитки» (с.180).
173. «Вот Борис Андрейч скажет, – сослался он на Воронцова, потряхнув у того перед носом грязной, перебинтованной почему-то **черной** тряпицей рукой» (с.182).
174. «Павел представил, как станет Воронцов в темноте суетиться и покрикивать на старух, поторапливая и загоняя их на катер, как, не выбирая выражений, станет он грозить им и ругаться, кляня вместе с ними все на свете» (с.182).
175. «Выехали уже в темноте, при звездах, на маленьком автобусе, развозившем по утрам рабочих на дальние участки» (с.184).
176. «Катер, стоящий за вереницей лодок справа, не был виден, но туман висел еще в воздухе, и полоса воды понизу просматривалась, насколько позволяла темнота, довольно хорошо» (с.185).
177. «Туман стоял сплошной стеной, и, катер, казалось, топтался, буксовал на месте, не в силах выбраться за нее, эту отвесную стену, снова и снова соскальзывая с ее кручи; Павел не помнил, чтобы он когда-нибудь попадал в такой туман, настолько густой и плотный, что с трудом, будто из глубокого и темного колодца, пробивалось смутное мерцание воды» (с.185).

178. «Затих, смирившись, и Воронцов, он сидел с опущенной головой, бессмысленно глядя перед собой **красными**, воспаленными за ночь глазами, но время от времени не забывал расталкивать дремавшего рядом Петруху» (с.187).

179. «В курятнике у Богодула было даже и не темно, а слепо и исподно: в окне стоял мглистый и сырой, как под водой, непроглядный свет, в котором что-то вяло и бесформенно шевелилось – будто проплывало мимо» (с.188).

Приложение Б

Словник цветообозначений в повести

В.Г. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана»

Часть первая

1. Но там было темно и глухо (с.3).
2. Световое пятно от лампочки у подъезда едва доставало до низкого штакетника, которым огорожен сквер и детская площадка в нем среди высоких, шатром разбросавших ветви, старых тополей (с.3).
3. И никто в него, в этот недвижный и блеклый световой круг, не входил.
4. Тамара Ивановна была так напряжена, и сама пугаясь продолжительности накала внутри, до сих пор не испепелившего ее, что заметила бы любую тень в черном до темна сквере и услышала бы любой скрад шага из-за угла, если бы они только явились (с.3).
5. Ночь наступала теплая, темная и вялая, должно быть, к дождю (с.6).
6. И так часто теперь хоронили, отпевая в церквях, что казалось: одновременно с сумасшедшим рывком вперед, в искрящуюся и горячую неизвестность, происходит и испуганное спячивание назад, в знакомое устройство жизни, заканчивающееся похоронами (с.6).

7. Ехали молча, только Демин побряхтывал, когда подрезали его иномарки или ослепляли мощными встречными фарами, не считая нужным переключаться на ближний свет (с.6).
8. По сторонам встала темнота (с.6).
9. Их не было, широко стояло там, в высоте, как болотная ряска, радужно-гнилое свечение от электрического разлива города (с.6).
10. Деревянные дома лежали в темноте, какой-то особенно плотной, словно из освещенного центра она вся отступала сюда; в каменных, этажных домах освещенных окон было больше, но попробуй достучись, доберись до них за двойными и тройными запорами (с.7).
11. Тупо смотрела она в темноту и еще тупей в запутанные ходы тоннеля, по которым, вспарывая перед собой фарами черную плоть, колесила машина (с.7).
12. Остановились у подъезда, конечно же, бронированного железной дверью, совсем темного, во мраке как бы вдавленного внутрь.
13. Высокая, **черноволосая**, сметливая, старшая рядом со Светкой и Люсей, она бывала у Воротниковых (с.7).
14. **Ржавые** потеки с отставшей известью на потолке, когда-то **зеленькие обои, выцветшие, померкшие, разлохмаченные** в швах (с.8).
15. Большой **рыжий** кот трется о ноги, вычесывая шерсть, и просительно задирает голову, в глазах тоска...(с.8)
16. Возле общежития Тамара Ивановна и из машины выходить не стала, сидела, уставившись в темноту, дышала с подсвистом, как больная, и ничего, кроме затвердевшей, туго спеленавшей ее черноты, не ощущала (с.9).
17. Гнет бы какой, чтобы он устал знал, не балаболил, как заводной, — и прищуривала свои красивые **карие глаза**, видя, казалось, всю гору мякины, которую мог он намолоть, если не остановить (с.10).
18. К Анатолию присматривалась почти год, прежде чем сказать «да» и позволить себя обнять; через год после дочери родила сына и сразу же

- пошла на третью беременность, да жестокая **желтуха** заставила отказаться от родов (с.10).
19. Почти до тридцати годов носила **русую косу** во всю спину — из одного только упрямства, из сопротивления моде, по которой весь женский пол поголовно смахивает косы, как связанные овцы шерсть, — пока не прочитала в одном из старых журнальных советов, что невысоким и широколицым девушкам коса не идет (с.10)
20. Остался звучащий на разные голоса, но одно выпевающий, одно обещающий, как оркестр, небесный простор, и то счастливое до блаженства состояние, когда она, покачиваясь, как на волне, вздымаясь и опускаясь, плыла и плыла по его **золотистому безбрежью** (с.12).
21. «Ну, развеи опять ораторию», — добродушно ворчала заведующая, рыхлая и томная бурятка с печальными глазами и больными ногами, по имени Олимпиада Иннокентьевна, всегда, зимой и летом, кутавшаяся в пуховую **серую** шаль (с.14).
22. Ясельные и садиковые группы соединял тоннелеподобный полутемный кирпичный коридор с узкими и высоко задранными бойницами окон, гулкой и неуютный, из него и выплывала Евдокия с припухшими от скуки большими ленивыми глазами, не знавшими краски (с.14).
23. Он, поспавший, но не выспавшийся, пил крепкий чай и, зевая, оглаживая лицо, снимая с него сон, одурь и нерешительность, сидя в кухне напротив окна, угрюмо смотрел в него по тополям, только-только выпустившим **зелень** (с.17).
24. Воздух, окаймлявший ее, был **фиолетовый**, без солнца(с.17).
25. Небо в дымчатом, тонкорунном покрове быстро **белело** и таяло, взблескивая **голубыми** провалами (с.17).
26. **Солнце** открылось, трепетала от его тяги мелкая, еще не раскрывшаяся, листва на тополях и кленах и стоял в них воробьиный гвалт.
27. Нашли опять общежитие для малосемейных, в котором ночью побывал Анатолий (с.18).

28. Коридор был узкий, запущенный, с закопченными избитыми стенами, доведенными до такого отчаяния, когда на них появляются неприличные надписи (с.18).
29. Запущенной оказалась и маленькая квартира, где все было стеснено до последней степени — и комнатка, и кухонка, и низко нависал потолок, и тускло смотрели в улицу всего два окошка (с.18).
30. Я ночью у тебя был... не помнишь? (с.18)
31. В комнатке Тамара Ивановна мгновение осматривалась, решительным движением подняла с пола валявшуюся на боку крепкую, выкрашенную **зеленой** краской, табуретку, увидела, что сидение чем-то, должно быть, топором, истерзано до щепы, с бряком вернула ее в прежнее положение и опустилась на нее — будто подсеклась (с.18).
32. «А помер», — весело сообщил старик, переводя засиявшие глаза с Анатолия на Тамару Ивановну (с.19).
33. Бросились, поймав частника на **зеленой** «Ниве», опять в микрорайон, долго звонили во входную дверь, за которой жила подружка, принялись колотить в нее кулаками — открыла наконец заспанная, в тяжелой полудреме от чего-то дурного, мать подружки, не сразу признала в Тамаре Ивановне и Анатолии ночных пришельцев, а взглядевшись, признав, не говоря ни слова, развела руками: нет Лиды (с.20).
34. Но как хорошо было в ягодниках и сосновых пустошах, державшихся недалеко от берега, чтоб подгонять **рыжик** густыми, дающими рост, туманами; как ловко и ладно смотрелись Тамаша и Николаша, когда, подобранные, одностые, круглолицые, в форменных **темно-зеленых** куртках и штанах, заправленных в кирзовые сапоги, с непокрытыми **русыми головами** и с горбовиками за спинами, вставали они на тропу и оборачивались к Ангаре, чтобы видеть деревню на том берегу, где оставалась мать (с.24).
35. Но суббота есть суббота, и в отделении милиции оказалось людно, возле перегородки, за которой сидел перед тремя телефонами бравый сержант с

- багровым** лицом и воловьим терпением на этом лице, толпились люди и стоял гул (с.25).
36. Точно знают это все ответственные люди и дают под милицию самые тесные, темные и бросовые помещения: все равно придет к тому же концу (с.25).
37. Все они были с сумками, в которых что-то трепыхалось, в майках, с голыми, уже **черными** от загара ногами, почти все обуты в спортивные разбитые кроссовки — точно собрались в пионерский лагерь имени Дзержинского (с.26).
38. Старушка у противоположной стены, маленькая и сухая, бодренько вертевшая непокрытой головой с остатками примазанных **белых** волос, шевеля губами, вздохнула им вслед (с.26).
39. Прошли двое: высокий, плотный капитан в форменной рубашке с темным пятном на спине и подпрыгивающий перед ним, заглядывающий ему в лицо и торопящийся что-то досказать, хромой парень с собранными на затылке и подвязанными волосами (с.26).
40. Дежурный никак не мог отвязаться от какого-то образованного гражданина в **синей** тенниске, который, называя законы, все говорил и говорил (с.27).
41. В кабинете на втором этаже, квадратном, с голыми стенами, за одним из трех маломерных, как в школе, столов, сидел в одиночестве, упиравшись животом в столешницу, чернявый лейтенант и пил пиво (с.27).
42. В деревне они жили в большом пятистенном доме, уходившем глубиной своей во двор, где дочь и занимала дальнюю выгородку, долго остававшуюся без дверей и укрываемую тяжелой **бордовой** шторой (с.28).
43. Она вся точно наэлектризовывалась, **телесный цвет** податливо переходил в мягкое свечение — и точно изнутри доносилась

притаенного голоса почти беззвучная, баюкающая песня: должно быть, она ее когда-то слышала (с.29)

44.

45. Тамара Ивановна тогда только что пришла работать после детсадика на почту, и вид привозимых почтарям из типографии и с вокзала красочных газет с неслыханными историями и невиданными картинками, ее потряс (с.30).

46. И все чаще в поисках крепости, где можно было бы найти спасение, вспоминала Тамара Ивановна свою деревню на берегу Ангары, широкую луговину, заставленную березой и сосной, в **белой кипени** майскую черемуху по обочью, сладкий дух ее в деревне, черемуховые метели после цветения, покрывающие улицу **белизной**, высокое, вынашивающее землю под собой, небо, а под ним на закатной стороне разлив ангарской воды, тяжелый и покорный, с глухими и все-таки родными берегами (с.31).

47. Светка стояла по одну сторону стола, который занимал почти всю вытянутую от двери к окну комнату, оставив только проходы по бокам, — стояла в оцепенении, вздрагивая и отшатываясь от совсем уж диких криков, а по другую сторону, напротив нее через стол, извивался, визжал и кричал что-то неразборчивое кавказец в джинсовой куртке, **черный**, безростый, с бешеным лицом и кипящими большими глазами (с.33).

48. У Светки был огромный, чуть не в половину лица, **синяк** под правым глазом, верхняя губа рассечена, она стояла сжавшись, с выдвинутыми вперед плечиками, которыми пыталась прикрыться, сгорбившись и втянув в себя голову (с.32).

49. Ждали еще долго, до темноты на улице (с.34).

50. Она мало читала в детстве и развивалась какими-то собственными, вызревавшими в ней, впечатлениями, подолгу затаенно и чутко прислушивалась к ним, медленно, в такт чему-то, поводя красивой головкой с закинутыми за спину **пшеничными увязками кос** (с.36).

51. «Вот кто-то с горочки спустился...» — басисто, тягуче, мощно начинала бабушка и умолкала, закатывая глаза и откидывая крупную, гладко расчесанную голову, а внучка чистым, звонким, хрустальным голоском подхватывала, вся превращаясь в восторженное сияние и вытягивая шейку, точно высматривая: «Наверно, милый мой идет...» (с.36).
52. Мать со скандалом заставляла его идти с собой на барахолку, в царство яркого и дешевого китайского изобилия, чтобы не стыдиться его дыр, а он и не замечал обновки (с.37).
53. «Ну, мать!» — как-то незадолго до этой истории, уже по сухой зазеленевшей весне, воротясь домой, с воодушевлением взялся рассказывать Анатолий (с.38).
54. Но после того как лучезарной звездой просияла принцесса Диана, изменявшая мужу на глазах у всего впавшего в неистовое любопытство мира, Иван выбросил свою коллекцию и вспоминал о ней со стыдом всякий раз, как снова и снова возносили скандальную принцессу как богиню аристократической свободы (с.39).
55. Значит: остатки, деньги там или продуктишки, на **черный день** приготовлены (с.41).
56. А почему девушку называют **красной**? — не отставал Иван; очень ему нравилось учительствовать перед матерью, так и приплясывал он перед нею, наигрывая головой, так и брызгали его глаза веселым нетерпением. — **Красна девушка** — это что? (с.42).
57. **Красная** — это красивая (с.42).
58. **Красная площадь** в Москве — не от морковки же она **красная**... (с.42)
59. Площадь, может, и не от морковки, а **красна девушка** от морковки, — уперлась Тамара Ивановна (с.42).
60. Лицо **белое** — от коровки, щеки жаром пышут — от чего же еще, как не от нее, не от морковки; глаза чисто глядят — утром встанет пораньше да умоет свои глаза свежей росой, они и рады-радешеньки (с.42).

61. Следователь, сидевший за столом, был из того распространенного типа мужчин, в который в схожих условиях и со схожим образом жизни к сорока годам попадают многие: рыхлое и **посиневшее** крупное лицо, лысина на голове, которую уже и маскировать нечем, нарочито замедленные движения, поскольку в неконтролируемом положении они нервны и суетливы, и мутный взгляд много повидавших глаз (с.43).
62. Одинаково громоздко подпирали боковые стены большой темный шкаф справа и большой железный сейф слева, тот и другой давно миновавших, но поразительно прочных образцов (с.44).
63. Девчонки, Светка с двумя подружками, стояли на площади возле торгового комплекса, а наверху, на площадке перед входными дверями, торчал кавказец в джинсовой куртке, засунув руки в карманы **зеленых** спортивных брюк, и уставился на них (с.45).
64. Девчонки еще пуще засмеялись; парень в толстой куртке и толстых штанах в совсем жаркий день, с **черным** узким лицом, с вихляющейся фигурой на неподвижных ногах был забавен (с.45).
65. Лицо ее сделалось мелким, жалким и **посинело**, словно от **синяка** под глазом краска под давлением разошлась по всему лицу, и покрылось точечными капельками пота (с.47).
66. Она была в легкой темной спортивной курточке, волосы на затылке перехвачены резинкой, фигура надломленная, глаза забиты воротившимся при воспоминании страхом (с.47).
67. Ранняя жара наконец спала, распустив **зелень** до последнего листочка, и тополя, клены стояли в новых и роскошных складчатых одеяниях (с.50).
68. В квартире свет был приглашен не от туч, а от густой, стоящей стеной, **зелени** в сквере, куда смотрели три окна из четырех (с.50).
69. Он зашел в кухню к жене взвинченный, лицо напряглось и **покраснело** (с.50).
70. **Синяки** под глазами, как растворимая под горем краска, расплзлись по лицу, превратив его в сплошное **темно-фиолетовое** пятно (с.51).

71. Камень внутри накалился так, что, казалось, уже и трескался; перед глазами порхали разноцветными бабочками вспышки; пойманной птахой трепыхалось сердце, подбито опадало, исчезало совсем; озноб просекал все тело, казалось, что и конец уже... (с.51)
72. Это была женщина немолодая, крупная, затянутая,двигающаяся осторожно, находящаяся в стадии борьбы со своими формами, выпирающими, как тесто из квашонки, с загрубевшей темной кожей на лице и жестким голосом (с.51).
73. Среди **бела дня** убивают — ничего, ни преступления, ни правосудия! (с.53)
74. Анатолий обрадовался и испугался: что это — приходит она в себя, приказав себе смириться со случившимся, или просто решила отделить жирной чертой последние **черные дни** от наступающих, ведущих неизвестно к какой, но развязке? (с.54)
75. Сумка была **черная**, вместительная, продолговатая, с легко и ловко ездящим замком, из прочной искусственной ткани, как теперь все они; она могла казаться маленькой при малой загрузке, а могла быть большой (с.55).
76. Светка в полумраке, с зашторенным окном, полусидела-полулежала, навалившись на спинку кровати (с.55).
77. Горе-горькое тоже любит взблеснуть чем-нибудь этаким, вроде **жемчужного** зерна (с.59).
78. Над рынком, над всеми его торговыми окраинами и рукавами, как над чадящей печью, висело мутное **желто-мглистое** облако (с.60).
79. Прокурор приехала в одиннадцатом часу, тяжело выбралась с заднего сиденья **черной** иномарки, которых расплодилось, как саранчи, так много, что в названиях их Тамара Ивановна давно уж не разбиралась (с.60).
80. Даже на улице прокурор имела величественный вид: прямая, с высоко взбитой прической, в светлом костюме (с.60).

81. Зажав сумку подмышку, старательно оберегая ее, она дважды прошлась по рядам в крытом рынке с высоким прозрачным потолком, заглядывая за спины продавцов, где выстроены были на полках целые полчища банок и бутылок с яркими наклейками, и только потом сообразила: квасу среди них быть не может (с.61).
82. Но удивительно: Тамара Ивановна то ощущала жару, то не ощущала, словно то входила в раскаленную зону, то выходила, и солнце перед нею то горело в обруче ярким кипящим пламенем, то разлохмачивалось в дымный клубок (с.62).
83. Рядом, напротив прокуратуры, сжатый домами, был малозаметный проход во двор, и там, на задах ухоженной архитектуры, лепился свободный пейзаж из складских, подсобных и прочих сооружений неизвестного назначения: низких, вдавленных в землю, с плоским верхом, крытым то шифером, то толью, то **ржавыми** железными листами, где кирпичные, где деревянные, где с одним-двумя подслеповатыми окошками, где совсем без них, — все обветшавшее, скособоченное, вцепившееся друг в друга, чтобы не упасть (с.63).
84. Перед глазами поплыло марево, сквозь него маячили **серые** громады выходящих в улицу зданий; марево, уплотняясь, превратилось в туман, плывущий **белыми** лохмами, улица в нем опрокинулась, преображаясь в выглаженное пустынное поле (с.63).
85. Внизу земля выравнивается и снова идет на подъем, там густо **зеленеет** кустарник, цветущий мелкой **желтой** россыпью (с.64).
86. Небо тусклое, **бело-дымчатое**, воздух в расплавленном горячем солнечном свете (с.65).
87. Тамара Ивановна, что-то высматривая, отыскивая, бродит среди валунов в **меднистых** крапинах, и на какой она взглянет, тот начинает до боли в глазах искриться (с.66).
88. В **желтых** цветочках на низком кустарнике она узнает курильский чай, валуны начинают обрастать мелконьким и ломким мхом-ягелем, похожим

на прохудившуюся, истыканную солнечными стрелами, бересту; возвышение слева вдруг отступает, и одновременно полоса кустарниковых зарослей в сырой низинке разворачивается и круто уходит вправо (с.66).

89. Гром еще катит перед собою стукоток, перемещаясь вправо, где и туч нет, где солнце только теперь испускает из себя радужную маревую завесу, как вдруг невесть откуда, кажется, что сразу отовсюду, слышится человеческий голос, отчаянный, надрывный, торопящийся предостеречь: «Томка-а-а-а!» (с.66)
90. Схватив сумку и нащупав в ней знакомые очертания, Тамара Ивановна медленно, запретив себе торопиться и не веря уже ни в какую удачу, сделала те самые десять шагов, которые позволяли увидеть на противоположной стороне улицы дверное **бельмо**, — и увидела: возле двери толкуются трое или четверо кавказцев (с.67).
91. В **синей** джинсовой куртке, с обросшим лицом и хищно опущенным носом, он стал поднимать глаза (с.68).
92. Над нею стоял пожилой человек в **синей** форменной рубашке с короткими рукавами (с.68).

Часть вторая

93. Одутловатое лицо Цоколя напряглось и **покраснело**, шишковатый кадык челноком ходил по шее вверх-вниз, толстые вывороченные губы, слепляясь и разлепляясь, примеряли какую-то подступающую мысль (с.71).
94. Такая в нем была глушь, такая **пепельная** пустыня, что нечему было там, внутри, даже и задаться, чтобы вызвать занозистую боль (с.71).
95. Уже совсем поздно, в глубоких сумерках, треплемых разгулявшимся ветром, попал он домой в сопровождении следователя, назвавшего себя Алексеем Васильевичем, фамилию Анатолий не расслышал (с.71).

96. Немногословный, с выражением внимания и терпения на крупном лице, только-только начинающем колоситься морщинами, с прихваченными до мутной илистой **белизны** висками на короткой стрижке, следовательно объяснил, пока шли от троллейбуса, что он всего лишь «сегодняшний» на этом деле, дежурный, должный кое-что посмотреть в квартире обвиняемой по горячим следам, а завтра за дело возьмутся люди из областной прокуратуры (с.71).
97. В понятия мобилизовали боцмана Василия Афанасьевича с третьего этажа, **красномордого** живого старика, то ли тридцать, то ли сорок лет сплавлявшего грузы в Якутию, и соседку со второго этажа Веру Постнову, два года назад похоронившую мужа и оставшуюся с двумя малыми ребятишками (с.72).
98. Вера Постнова, с испугу натянувшая на голову темный платок, когда привели ее и объяснили, что от нее требуется, и вовсе была близка к обмороку (с.72).
99. Справа от окна за газовой плитой под наброшенной тряпкой оказалось **белое** пластмассовое ведро, а в нем вставленные стоймя две пилки — по дереву и металлу, опиленный по шейке приклад и трубка от укороченного ствола — все то, что потребовалось, чтобы изготовить обрез (с.72).
100. «Мама наша...» — Анатолий не договорил и, махнув в отчаянии рукой, пошел в свое укрытие всех последних дней — в темную спальню (с.73).
101. Он смотрел на Светку, сидящую перед ним с поднятыми коленками в расшатанном и продавленном кресле: **посиневшая**, в неделю опавшая до худобы, с мучительным взглядом сузившихся, не желающих ни на что смотреть, глаз (с.74).
102. Сколько **белого дня**, столько и **черной ночи** (с.74).
103. Они меняли машины, подъезжали то на **белой** «Волге», то на блестящей небесным **лазурным** сиянием новенькой японской «Тойоте», то на «семерке» со свежееободренным боком, и старались показать себя: двое

- молодых, лет тридцати, похожие друг на друга, как братья, с небритыми лицами в короткой, словно после стрижки, **черной** щетине, невысокие, быстрые, с наглыми глазами, и третий постарше, за сорок, с подобранным крепким телом, — они ставили машину то перед прокуратурой, когда Анатолий провожал туда сына или дочь, то перед домашними окнами в детском скверике, куда въезжать, конечно, не позволялось и где никто ни разу не сказал им ни слова (с.75).
104. Его Егорьевна, сдобная, **белотелая**, крутозадая женщина в возрасте «бабы ягодки опять», была замужем дважды и не скрывала, что это она виновата в разводах как в первый, так и во второй раз, и не без гордости восклицала в игривые минуты: «Я баба угарная» (с.76).
105. Демин зазвал в гости к ней Анатолия в выходной, среди **бела дня** (с.76).
106. Круглое лицо с блестящими, искристо просверкивающими глазами, с маленькими ушками и с аккуратным, лукаво вздернутым носом, маленьким, чуть выпяченным, розанчивым ртом, придававшим иногда совсем детское выражение, лоснилось у Егорьевны и от печного жара, и от плотской сытости, и от удовольствия принимать гостя (с.77).
107. Из этой же комнаты, перебравшись в кресло возле журнального столика, на котором горбился **матово-сиреневым** жуком телефонный аппарат, он позвонил домой (с.78).
108. Это же не случайно, это же нашествие — все эти **черные, желтые, пегие**... они ведут себя как завоеватели, мы для них быдло (с.80).
109. И хлопали своими слепыми глазенками, пока обдирали нас, как липку, растаскивали нашу кровную собственность по всему **белу свету** (с.81)
110. «Нету такой песни», — решительно отзывается Демин и косится на ее **раскрасневшуюся** огнедышащую грудь (с.82).
111. То она кажется недалекой, простушей из простуш, круглые глаза выставляются пленчатым блеском целомудренной наивности и грубых желаний; грудь вздымается — потому что мехам ее приходит время воздушной прокачки, а не от порывов глубокого волнения; **темно-**

коричневое лицо, подвяленное от продолжительного бывания на свежем воздухе, ровно заполнено по всем заводям от внутреннего штиля и житейские бури туда пробиваются разве что в исключительных случаях; то вдруг в одну минуту все в ней меняет выражение и глаза смотрят внимательно и умно, лицо оживает и отзывается на происходящее чувственными переливами, губы сами собой округляются и растягиваются, тугие щеки волнуются от дыхания... (с.82)

112. Зачадили весь **белый свет** (с.82).
113. Потом пьют горячий **зеленый чай**, вкус к которому хозяйка вывезла из Китая и никакого другого уже не признает (с.84).
114. На вид конфеты не очень, **беловатые** такие, как наша помадка... (с.84)
115. Я протиснулся, гляжу: невеста в этой... как ее? — в фате **белой**, а сама потрепанная такая, 29-й свежести, по лестнице на постамент взобралась... это ведь надо было — лестницу из дому приволочь!.. взобралась к Штефану и к ногам его льнет (с.86).
116. Забор из потемневших плах был, но так себе, и кобель сигал через него почем зря, едва перебрав лапы (с.89).
117. Но и дома отмалчивался, отвыкая от слов; когда узнал о случившемся с сестрой, заплакал, из вытекшего левого глаза побежала струйка **желтой** слезы (с.91).
118. Тамара Ивановна, наезжая, и скребла тут, и мыла, навешивала на окна свежие занавески, вытирала в межоконье рамки с фотографиями под стеклом, смахивала тенетистые узоры с потолочных углов, вытряхивала домотканые, еще с Ангары привезенные, половики и коврики, но проходило несколько дней и вновь проступала **серая, золистая испоть**, и опять все покрывалось сиротством (с.91).
119. Уже неделю как жара не донимала сильно, дни стелились солнечные и яркие, но не гнетущие (с.91).

120. За другим окном, на восток, цвела в палисаднике сирень, расклонив по сторонам тяжелые ветви в убранстве горящих **фиолетовым** огнем свечей (с.92).
121. Светка в летней кухне играла с котенком и раззадорила его до того, что он напрыгивал на нее, взобравшуюся с ногами на голый деревянный топчан, она вскрикивала, перебирая ногами; котенок, пушистый комок из **желтого и белого**, отскакивал, не разворачиваясь, шлепался на спину, взвивался вверх, чтобы приземлиться на лапы, делал стремительный разбег и снова кидался на Светку (с.93).
122. Кряжеватый такой мужик, рожа хмурая, все попервости в зеленых галифе ходил, в отместку, поди, тем, кто его в лагере караулил (с.93).
123. Иван Савельевич продолжал рассказ, а Анатолий посматривал на Светку, не слушавшую, уставившуюся в окно, за которым, кланяясь, тяжело раскачивались яркие гроздья сирени (с.95).
124. Оттуда же заглядывало и солнце и Светкино лицо в обрамлении золотисто-смиренного закатного потока выпечатывалось особенно четко (с.95).
125. Вбежала Дуся, **раскрасневшаяся**, с короткой мальчишеской стрижкой, в короткой майке, по моде не закрывавшей пупа, и в шортах, получившихся от обрезанных, одна штанина короче другой, джинсов (с.95).
126. «И пошла у нас самая настоящая вражда», — вернулся к рассказу Иван Савельевич и с укоризной почесал **седую** клочковатую голову (с.96).
127. А уж сумерки, вода в Ангаре темная и низовка тянет (с.96).
128. Но сумерки пока светлые, в них видать даже дальше, чем на солнце, и волна еще не разошлась (с.96).
129. Уже в темноте уходил Анатолий (с.97).
130. Иван Савельевич с ночи встал по обыкновению рано: накрапывал из безнебья, из низкого **серого** сумрака, дождь тихой моросью, сильно и вязко пахло в ограде сиренью, а в огороде дикой коноплей (с.98).

131. И, пока не разошелся дождь, прикатил Иван Савельевич на тачке три возка **черной** земли на огуречную гряду, чтобы заглубить уже поднявшиеся всходы (с.98).
132. Но Суслоники дома не оказалось; бухал матерой глоткой кобель, таская грохочущую цепь; от крыльца, со ступенек, уставил на Ивана Савельевича маленькие глазки поросенок, склонив короткую голову набок и шеveled **прозрачно-розовыми** ушами; с поката над сенцами уже струилась вода (с.99).
133. В легкой **беленькой** курточке на плечах, в тонких летних джинсах с подвернутыми штанинами, в разношеннх шлепанцах и с **белой** маленькой сумкой в руке, в которой ничего, кроме мелких рублей да носового платка, не было (с.100).
134. Со стороны города, как к ночи, вставала темнота (с.100).
135. В небольшое, в три этажа, аккуратное **белое** здание, сохранившее свою **белизну** даже в ливень, мирным своим видом больше похожее на какое-нибудь скромное благотворительное общество, чем на областную прокуратуру, Светка прошла беспрепятственно (с.101).
136. Только теперь, протерев глаза ладошкой, она рассмотрела его и больше всего на его лице, **белом**, нисколько не загоревшем, поразили ее очень густые и очень лохматые брови, из-под которых с трудом выглядывали маленькие глаза (с.102).
137. Он был немолод, с **седыми** висками и подсушенным правильным лицом, с прямой высокой фигурой и твердым взглядом глубоко посаженных глаз (с.102).
138. Слабые грудки ужались так, что не топорщили кофточку, **серое** лицо вздергивалось, когда она простуженно швыркала носом и испуганно уставляла на следователя глаза; сидела она с плотно сжатыми коленками, придерживая их руками (с.102).
139. Дождь то примолкал, то припускал вдруг с такой яростью, что под сплошным его боем становилось совсем темно и глухо (с.103).

140. Николин сел на его место, поднял трубку **черного** допотопного телефона с пронзительным, как у сирены, гудком, что-то невнятное буркнул, дождался ответа, выждал еще отведенное время и, подмигнув Светке, тоже вышел (с.103).
141. Она в темной застиранной рубаше с накладными карманами и в темной же юбке в крупную **коричневую** клетку, на ногах старые кроссовки с короткой шнуровкой, те самые, в каких она ушла из дома (с.104).
142. Лицо **почерневшее** и почужевшее, глаза смотрят с силой (с.104).
143. На улице Светка не замечает ни солнца, согнавшего тучи и ярко блестящего в лужах, ни шумного и веселого воробьиного гвалта на маленькой пустой площади, ни плывущего над городом сладкого боя церковных колоколов (с.106).
144. За весь июль приехал лишь однажды, привез с огорода **зелень** и полдня промаялся перед окнами: никто не отвечал, полное запустение, полный разброд без Тамары Ивановны (с.106).
145. Испытывая себя, он до глухой ночи бродил по темным и пустынным улицам, опустевавшим сразу же, как только опускались сумерки; днем шел на рынок с «колониальными» товарами и, пристроившись в сторонке, подолгу наблюдал с каким-то странным наваждением за улыбчивыми китайцами и мрачными кавказцами, раскидывающими паутину, в которую уж как-то слишком легко и глупо попадались местные простаки (с.107).
146. Что за что? — с нарочитой вялостью отозвался один, **белобрысый**, ставший сразу, как только снял он шапочку с головы и засунул ее в карман, лупоглазым, с торчащими большими ушами (с.110).
147. А ты и на нас не похож, — сказал **белобрысый** (с.110).
148. Но Егорьевна, яркая, сдобная, **белотелая**, все больше смахивающая на процветающую купчиху, набирающую обороты, изредка милостиво подъезжала к деминской неказистой лавке и давала Демину наставления (с.115).

149. Рынок в августе — это такая же демонстрация нашей непобедимости, как военный парад в **красные дни** национального торжества; это такой же фейерверк рассыпающихся на гирлянды разноцветных огней, как праздничный салют (с.117).
150. С переполненных, густо усыпанных горками, рдеющих и переливающихся всеми цветами радуги, рядов полетело на землю, рассыпалось, захрустело под ногами; загремели сброшенные орудия торговли, заголосили бабы, вмиг наскочила беспризорная ребятня (с.118).
151. Да и привести в порядок разбитое лицо, с впечатанным под левый глаз радужным синяком и разорванной губой, тоже лучше всего было там, в одиночестве и раздумьях, что же это происходит и с ним, и вокруг него (с.118).
152. Грядки без матери запущены были с весны, но в густой и сопревшей, лежавшей мочалкой, траве сидела крепкая морковка, за дровяником среди хлама расползлись по сторонам и ровно горели глянцевым золотистым светом кабачки, под неокученной и тонкой, казавшейся дикой, картофельной ботвой прятались изрядные клубни (с.120).
153. На ягодных кустах и сквозь дубраву крапивы и осота чернела и краснела смородина, **багровел** полосатый крыжовник... и все это в тихие и солнечные дни сидело смиренно и терпеливо, приготавливаясь опасть вместе с листом и уже опадая...(с.122)
154. В тысячный и тысячный раз смотрел он в обращенный к Байкалу раствор ангарской мощной струи, то темной, то **голубой**, то **серой**, то гладкой, то бьющейся в волнах, но впервые, заскользив по ней все быстрее и быстрее, он вдруг поднялся в высоту и с восторгом, паря, как птица, разом охватил и впустил в себя все далеко живущее вокруг по обоим берегам реки (с.123).
155. «Душу мою озари сияньми невечерними», — пропел Иван, заглядывая в словарь и опять замирая в восторге и изнеможении (с.125).

156. Иван лег в воду, положив голову на **белый** камень-валун, слушал в полудреме, не веря кукушке, но и подбадривая ее: давай-давай — пригодится (с.125).
157. Нежными вздохами плескала вода, с берега тянул запашистый зной, **белесое**, томное небо висело в такой неподвижности, словно остановилось время (с.125).
158. Низкое закатное солнце, побледневшее и сжавшееся, смотрело прямо в окно, жиденьким пятном лежало на **беленом** боку печки и зябко подрагивало от набирающегося тепла (с.127).
159. Вот только электричеством я тебе посветить не смогу, не бывает у нас электричества (с.130).
160. Оставили на столе лампу с подвернутым фитилем, на всю избу стоял крепкий запах горелого керосина, круглое световое пятно на потолке, как бабочка, дрожало, билось, внизу висела полутьма (с.133).
161. Иван Савельевич несколько раз порывался задуть лампу, но останавливала опаска: как же совсем без огонька, как же не посветить надежде, которая, быть может, пытается найти к ним дорогу? (с.134)
162. Луна вышла поздняя, неяркая, и только тогда с шепотливым бормотаньем и задул Иван Савельевич лампу, выругался от фукнувшей в нос керосиновой гари, постоял перед окном, в котором в знобком оцепенении лежала ограда, и торопливой рукой перекрестился (с.136).
163. Задул пронизывающий ветер, какой-то бешеный, продирающий каждую улицу, как при уборке, вперед-назад, понесло мелким колючим снегом, на полнедели упали сумерки (с.138).
164. А ведь эта **черная немочь**, это бессилие подготавливались в нем давно.
165. Он промаялся так весь день, не выходя на улицу и с отвращением выглядывая в окно на **серый**, треплемый ветром, свет (с.139).
166. И опять смотрел с кровати на бьющийся в окно липкий снег, рвущийся, казалось к нему, чтобы окончательно застудить сердце, на раскачиваемые

- голые и **черные** деревья, до жути уродливые, с обрезанными верхушками и мертво растопыренными ветками (с.141).
167. И опять темнота, вечерняя или ночная, — не хотелось и узнавать (с.142).
168. Пришел Демин, рядом с ним торчало улыбающееся низкорослое чучело в зимнем бушлате, разрисованном разводящими отнюдь не фабричного происхождения, в **черной** вязаной шапочке и легких летних туфлях, обросшее **пегой** шерстью, с большим, оттягивающим руку, пакетом, разрисованном похожей же рожей (с.144).
169. Демин заставил его помыть голову в трех водах и в пяти водах с хозяйственным мылом лицо, и старик преобразился, на голове обнаружили **желтые седые** волосы, будто он их чем-то, какой-то гадостью, травил да недотравил, а на лице за **желтыми** же зарослями **зарумянилась** надраенная кожа (с.146).
170. Рвань из нескольких рубашек валялась у порога, старику был выдан **черный**, тоже повидавший виды, с дырами в подмышках, свитер Анатолия (с.148).
171. Попервости побаивался, ждал темноты, чтобы нырнуть в свое логово, но скоро понял, что никому ни до него, ни до подвала дела нет, каждый уткнулся в себя и свое (с.150).
172. И стал спокойно входить и выходить среди **бела дня** (с.152)
173. Хорошие вещи днем стесняются выбрасывать — выбрасывают в темноте (с.153).
174. Я вот **ржавый** гвоздь, а потребуется мной доску прибить, я держать буду (с.154).
175. Старик с разомлевающим **користо-малиновым** лицом покорно кивал, снова и снова просил чаю (с.156).
176. В новогодние и рождественские дни было много солнца, деревья стояли в куржаке и ярко переливались на солнце брызжащими искрами, снег по утрам под ногами скрипел с бодрой голосистостью — и Анатолий думал:

«Что это — остатки прежней жизни или все-таки нарождается новая?»
(с.158)

177. К Ивану забежала одноклассница с широко раскрытыми глазами на круглом лице, с **румянцем** на щеках, с ямочкой на подбородке, веселая, сияющая, звенящая, и красота ее показалась Анатолию столь свежей и милой, что поверилось, будто прежде такой и быть не могло, потому что она, такая, только-только народилась в возмещение каких-то происшедших в человеке потерь (с.161).
178. И станут они теперь покорно ждать, когда солнышко растворит день пошире и прибавит светлые часы утром и вечером (с.163).

Часть третья

179. Накатывал лениво крутой вал, выбрасывал в последний момент, как жало, **белый** пенистый гребешок и с силой ударял в нос катера, подбрасывая его вверх, в воздух, и вдруг проваливался — задиралась корма, нос из пустоты гулко бухал в водную канаву и тут же снова стремительно взмывал вверх (с.166).
180. И сразу же другая картина: слева по ходу катера необъятная гладь воды, замершая в истоме, греющаяся на солнце, раскинувшаяся столь далеко, что едва виден противоположный берег, а справа сыпается ворохами с близких береговых откосов чистое золото осеннего «цветения»... (с.168)
181. И третья: могучие, в **белых** каракулевых папахах, ряды гор, как воинов, стерегущих Байкал на выплыве его в Ангару, и — волшебное, радужное, переливающееся под тихим вечерним солнцем **зелеными, голубыми, синими** струями, мерцание бездонной воды... (с.171)
182. Поместье — и огород, и ограда — было сильно запущено, сосны насорили шишками, нижние сухие ветви на соснах торчали как признак общей омертвелости, на крылечке прогибались и выдавливали гниль половицы, перед поленницей огромная куча щепы, заплот совсем **почернел**, осел и прогнулся (с.173).

183. Доберется до дома, скинет с тела, и с сердца тоже, четырехлетний нагар, отмоеся в десяти водах, поверит, что это не сон, — тогда и можно будет прижать к лицу свою **серую**, под цвет нещадной тоски, арестантскую хламиду и смочить ее слезой (с.174).
184. Бледное солнце устало точило слабый, едва подкрашенный, свет (с.176).
185. Проходили мимо люди, проплыли, едва передвигая ногами, след в след, крутобокие пестрые коровы, пробегали машины, чужая разнопородность которых слабо удивила Тамару Ивановну: и когда успели набежать? (с.176)
186. Отваливались на сторону придорожные перелески, то раскрывая, показывая полевые глубины со стерней, торчащими из земли капустными кочерыжками и валами **черной** пашни, то смыкаясь, двигаясь в непрерывном медленном танце, пригибаясь и расправляясь в рост (с.177).
187. С въездной горы город открылся широко-широко и показался в **серой**, похожей на пыль, дымке нагромождением руин, среди которых сливалась в разные стороны в тяжелом металлическом блеске лава (с.178).
188. И потом, когда эта лава очертилась в потоки машин, а город принял свой обычный, бескрасный без **зелени**, вид, бесконечная грусть, курясь и смеркаясь от болезненных выдохов, облаком встала над ним и облекла все небо (с.178).
189. Смеркалось, сильнее запахло дымом от печей, важно поднимавшимся над деревянными домами за речкой; приятно, перебивая бензиновую настоенность, загорчил воздух (с.179).
190. И минут пять, не шевелясь, смотрела неотрывно на тускло светящееся узкое окно на втором этаже, вспомнив и тут же заставив себя забыть, как она искала в нем из кухни каждую тень в ту ночь, когда потерялась Светка (с.180).
191. К соседнему подъезду подкралась машина и окатила Тамару Ивановну ярким светом (с.180).

192. Под капризный плач ребенка из машины она шагнула в темную дверь своего подъезда и, поднимаясь по лестнице, ворчливо повторяла: «Минутки не хватило, всего одной минутки...» (с.180)

Приложение В

Количественное соотношение колоративов и слов, обозначающих цвет по повести В.Г. Распутина «Прощание с Матерой»

	<i>Колоративы</i>	<i>Слова, обозначающие цвет</i>
1.	Черноволосая	темно
2.	Ржавые	Световое
3.	зелененькие	блеклый световой
4.	рыжий	черном
5.	карие глаза	до темна
6.	желтуха	темная
7.	русую косу	искрящуюся
8.	золотистому	ближний свет
9.	серую	темнота
10.	зелень	радужно-гнилое свечение
11.	фиолетовый	освещенного
12.	белело	освещенных
13.	голубыми	темноту
14.	Солнце	черную
15.	зеленой	темного
16.	зеленой	обои, выцветшие
17.	рыжик	темноту
18.	темно-зеленых	черноты
19.	русыми головами	полутемный
20.	багровым	ночью
21.	черными	закопченными
22.	белых	тускло
23.	синей	ночью
24.	<u>чернявый</u>	засиявшие
25.	бордовой	темные
26.	телесный цвет	темным
27.	белой кипени	свечение
28.	белизной	красочных
29.	черный	темноты
30.	синяк	сияние
31.	пшеничными увязками кос	яркого
32.	зазеленевшей	лучезарной
33.	черный день	темный

34.	красной	темной
35.	Красна девушка	разноцветными
36.	Красная	темной
37.	Красная площадь	полумраке
38.	красная...	светлом
39.	красна девушка	прозрачным
40.	белое	яркими
41.	посиневшее	пламенем
42.	зеленых	ярким
43.	черным	тусклое
44.	посинело	искриться
45.	синяка	солнечными
46.	зелень	радужную
47.	зелени	сумерках
48.	покраснело	мутной
49.	Синяки	темный
50.	темно-фиолетовое	темную
51.	бела дня	блестящими,
52.	черные дни	искристо просверкивающими
53.	черная	потемневших
54.	жемчужного	золистая испоть
55.	желто-мглистое	яркие,
56.	черной	зеленых
57.	ржавыми	яркие
58.	серые	сумерки
59.	белыми	сумерки
60.	зеленеет	светлые
61.	желтой	солнце
62.	бело-дымчатое	темноте
63.	меднистых	темнота
64.	желтых	темно
65.	бельмо	темной
66.	синей	ярко блестящего
67.	синей	темным
68.	покраснело	сумерки
69.	пепельная	разноцветных
70.	белизны	переливающихся всеми цветами радуги
71.	красномордого	радужным
72.	белое	глянцевым
73.	посиневшая	темной
74.	белого дня	сияньми
75.	черной ночи	солнце, побледневшее

76.	белой	посветить
77.	лазурным	световое
78.	черной	посветить
79.	белотелая	неяркая
80.	бела дня	сумерки
81.	матово-сиреневым	темнота
82.	черные, ...	темноте
83.	желтые,	солнца
84.	пегие	ярко переливались
85.	<u>белу свету</u>	светлые
86.	раскрасневшуюся	чистое золото
87.	коричневое	Бледное
88.	белый свет	пестрые
89.	зеленый чай	металлическом
90.	беловатые	Смеркалось
91.	белой	тускло светящееся
92.	желтой	ярким
93.	серая	темную
94.	фиолетовым	
95.	желтого	
96.	белого	
97.	золотисто-смиренного	
98.	раскрасневшаяся	
99.	седую	
100.	серого	
101.	черной	
102.	прозрачно-розовыми	
103.	беленькой	
104.	белой	
105.	белое	
106.	белизну	
107.	белом	
108.	седыми	
109.	серое	
110.	черного	
111.	коричневую	
112.	почерневшее	
113.	зелень	
114.	белобрысый	
115.	белобрысый	
116.	белотелая	
117.	красные дни	
118.	синяком	

119.	золотистым
120.	<u>ч</u> ернела
121.	краснела
122.	багровел
123.	голубой
124.	серой
125.	белый
126.	белесое
127.	беленом
128.	черная немочь
129.	серый
130.	серый
131.	черной
132.	пегой
133.	желтые
134.	седые
135.	желтыми
136.	зарумянилась
137.	черный
138.	бела дня
139.	ржавый
140.	користо-малиновым
141.	румянцем
142.	белый
143.	белых
144.	зелеными
145.	голубыми
146.	синими
147.	почернел
148.	серую
149.	черной
150.	серой
151.	зелени

Приложение Г

Количественное соотношение колоративов и слов, обозначающих цвет по повести В.Г. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана»

<i>Колоративы</i>		<i>Слова, обозначающие цвет</i>
1.	зелень	запылала
2.	почернели	летам
3.	белено	ярким

4.	зелень	солнцем
5.	красно	сияла
6.	красными	взблескивали угли
7.	зеленой	искрящееся,
8.	ржавыми	солнце
9.	зеленой	горящим
10.	черное	мерцали
11.	посерело	ясно
12.	черные как смоль	ярко
13.	красным	темень
14.	красные, налитые кровью	темную
15.	черные	блеклым бледнеющим солнцем
16.	белому свету	подкрашенное
17.	черного	бледными
18.	подбелил	тьма
19.	белым	темная
20.	почернел	темнели
21.	белый	мерцали
22.	белом	темные
23.	рыжая	взблескивала
24.	выбеленных	отцветающей
25.	белесое	ярко-сухом
26.	известь белизны	выцвела
27.	почерневшая	сияли
28.	зеленеющие	сверкающими
29.	белые	яркое
30.	серебрилась	яркая
31.	чернела	темноты
32.	почернеть	ярко
33.	зелени	осветилась
34.	белеют	огнем
35.	красного	сиянием
36.	зеленью	сиянием
37.	зелень	опаленным
38.	бурым	темноты
39.	черная	угольная
40.	на белом свете	горящая
41.	черная	светлел
42.	красная	темноту
43.	белых	темнота
44.	черных	замерцала
45.	серых	сиянием
46.	зелененькую	заревом

47.	белого дня	темноту
48.	белый свет	свет
49.	бела дня	блеклые
50.	белый свет	светилась
51.	красную	разноцветные
52.	красной	светлом
53.	коричневыми	светлом
54.	красная	светлый
55.	белого света	Потемнела
56.	белый свет	светом
57.	белые	посветлели
58.	белые	потемнело
59.	бела дня	темнеть
60.	серо	Темь
61.	серо	мглисто
62.	серо	померкнет
63.	почернел	разъяснило
64.	красное солнышко	просветлело
65.	белеть	засияло
66.	почернела	молочным
67.	белом свете	темноты
68.	белый свет	Отцветало
69.	белым	ярко
70.	Зелень	блескуче
71.	желтизной	горели
72.	ярко краснело	догорая
73.	серые	огненными
74.	зеленой	мутные
75.	черная смородина	солнечном сиянии
76.	красноглазый	сиять
77.	черный	ясный день
78.	черная	ясную ночь
79.	белый свет	бледным
80.	белый день	ярком зареве
81.	белыми	Бесцветной
82.	рыжей	прозрачной
83.	зеленела	темноте
84.	чернела	темноты
85.	красные	сиянием
86.	белеющая	тени
87.	зеленую	светло
88.	выбелился	темноте
89.	зеленеющая	чистыми

90.	черный	свету
91.	белое	темную
92.	красноватое	бесцветное
93.	зеленели	светило
94.	чернели	сиянием
95.	желтела	ярко
96.	белый	темнел
97.	белой	темнели
98.	Белить	темно
99.	белили	темно
100.	молочно-отстойной желтизны	старческое волокно
101.	подбеленной	сверкающие
102.	выбелит	огнистые
103.	Белить	сумерках
104.	набелилась	светленькой
105.	синевой	светлое
106.	белится	тусклом мерцании
107.	белиться	темнело
108.	белит	светить
109.	выбелила	посветлело
110.	не белены	темноте
111.	беленкой	темноте
112.	добеливала	темноте
113.	заржавевшую	темную
114.	в желтых	огонька
115.	зеленью	темнота
116.	синевой	темноте
117.	желтогрудую	темноте
118.	красноватом	темнота
119.	красная	темного
120.	белый	темно
121.	красненького	свет
122.	красненького	
123.	белого свету	
124.	свету белого	
125.	синел	
126.	красный	
127.	красная,	
128.	зеленая	
129.	черная	
130.	черной	
131.	красными	

132.	пегой
133.	желтые
134.	седые
135.	желтыми
136.	зарумянилась
137.	черный
138.	бела дня
139.	ржавый
140.	користо-малиновым
141.	румянцем
142.	белый
143.	белых
144.	зелеными
145.	голубыми
146.	синими
147.	почернел
148.	серую
149.	черной
150.	серой
151.	зелени